

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока

Научная конференция

**Нации и национализм
в мусульманском мире
(на примере Турции, Ирана, Афганистана,
Пакистана, этнического Курдистана, соседних
стран и регионов)**

Москва, 17 и 19 ноября 2014 г.

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

17 ноября 2014 г., понедельник

Зал Ученых советов

Регистрация участников : 10.30-11.00

Регламент выступлений – до 15 мин.

Пленарная сессия (1): 11.00.-13.30

Национализм, нации-государства и современная ситуация в мусульманском регионе

1. Белокреницкий В.Я. Концепции национализма и проблема наций в современном исламском мире.
2. Мамедова Н.М. Особенности национальной социально-экономической модели Ирана.
3. Ульченко Н.Ю. Религиозная традиция и особенности национальной экономической модели Турции.
4. Каменев С.Н. Особенности и перспективы развития национального хозяйства Пакистана.
5. Малышева Д.Б. Радикальный исламизм как внешнеполитический вызов нациям-государствам Центральной Азии.
6. Труевцев К.М. (НИИ-ВШЭ). Зоны региональных конфликтов: ближневосточный узел как эпицентр противостояния современного панисламистского проекта и национальных государств.
7. Косач Г.Г. (РГГУ). Палестинский национализм: становление и эволюция.
8. Сарабьев А.В. Халифатисты versus «национально-ориентированные» исламисты: к постановке проблемы.

КОФЕ-БРЕЙК

турецкие СМИ несут в себе маркеры «повседневного национализма», выражающиеся повторяющимися словами «мы» и «здесь» (т.н. словами лингвистического «дейксиса»), традиционной дихотомией «свой – чужой», акцентом на «общий интерес» и «общую историю».

Показателен результат анализа логотипов общенациональных СМИ: более 80% изданий используют в своих эмблемах цвета турецкого флага (красный и белый), почти половина общенациональных газет – так или иначе обыгрывает в эмблемах турецкий флаг.

Подавляющее большинство публикуемых в прессе текстов отличается софкусированностью на внутривнутриполитической тематике – более 90% текстов авторских колонок рассматривают внутритурецкие сюжеты, и чуть более 10% статей и заметок – новости внешней политики.

Националистический язык удивительным образом вкраплен и в тексты бизнес-изданий, которые по своей природе должны быть гораздо более космополитичными. В большинстве из них четко прослеживается дихотомия «свой – чужой».

При этом политическая ориентация изданий фактически очень слабо коррелирует с уровнем неявной националистической риторики, стилистических приемов и т. д., тем самым национализм выступает «общим знаменателем» для многих политических течений в Турции, подвижной и гибко приспосабливающейся идеологии.

В качестве источников выбраны либеральные издания “Taraf” и “Radikal”, правоцентристская пресса – “Akşam”, “Bugün”, “Güneş”, “Habertürk”, “Hürriyet”, “Milliyet”, “Posta”, “Sabah”, “Star”, “Şok”, “Takvim”, “Vatan”; левоцентристская “Cumhuriyet”; ультранационалистические газеты – “Ortadoğu”, “Sözcü”, “Yeniçağ”; исламистские – “Anadolu’da Vakit”, “Milli Gazete”; ультралевые – Birgün, Evrensel; умеренно исламистские – “Today’s Zaman”, “Türkiye”, “Yeni Asya”, “Yeni Mesaj”, “Yeni Şafak”, “Zaman”; бизнес-пресса – “Dünya”, “Hürriyet Daily News & Economic Review”, “Referans”.

Основываясь на теории «банального национализма» британского социолога Майкла Биллига, в работе исследуется динамика языковых привычек, служащих напоминаниями о нации, механизмы повседневной репрезентации идей нации вне кричащего языка «мифов о крови».

Турецкие средства массовой информации ежедневно маркируют свои материалы националистическими фразами и формулами, которые настолько глубоко интегрированы в саму ткань газет, что зачастую выпадают из внимания, воспринимаются как шум. Именно эти, вкрапленные в структуру текстов СМИ формулы делают национализм повседневным явлением.

В Турции, как и во многих развитых странах мира национализм давно стал интегральной частью общественной жизни. При этом основная масса граждан воспринимает национализм как привычное явление, не реагирует на националистическую риторику, если она не угрожает общественному порядку или не связана с каким-то объективным кризисными событиями. Сформировавшиеся таким образом повседневные практики идеологического окрашивания событий и оценок обеспечивают непрерывное воспроизводство нации.

Анализ турецких СМИ по контрольным точкам-дням (с начала 2000-х гг. до середины 2014 г.) со сплошной выборкой позволяет выявить обыденными риторические формулы, благодаря которым национализм начинает казаться само собой разумеющимся. Даже в период, когда националистические сюжеты непосредственно не находятся в фокусе внимания общественного мнения,

14.00–16.30

Зал Ученых советов

Секционная сессия (2)

Исторические аспекты проблемы нации и национализма

1. Орлов В.В. Арабское национальное самоотождествление: границы понятия.
2. Орешкова С.Ф. Ислам и этническая идентификация мусульманских народов (османский опыт).
3. Васильев А.Д. Переписка османов с шейбанидами об антишиитском военно-политическом союзе (первая пол. XVI в.).
4. Витол А.В. (Санкт-Петербург). Вхождение Турции в «европейский концерт»: европейское понимание и конфликт с исламом.
5. Болдырев А. В. Роль российского фактора в этнополитических процессах в Османской империи в середине XIX века.
6. Раванди-Фадаи С.М. Понятие “нации” в работах иранских историков.
7. Тихонов Ю.Н. (Липецк). Влияние идей панисламизма и российских идеологических установок на доктрину афганского национализма в середине 1920-х гг.
8. Черешнева Л.А. (Липецк). Региональный мусульманский национализм в 1947–1949 гг. (на примере Хайдарабада).
9. Мехди Хедайати Шахидани (Казань). Внешняя политика Ирана в период правления Мохаммеда Реза Шаха.

Секционная сессия (3).

Политико-идеологическая специфика исламского мира

1. Киреев Н.Г. Концепция исламо-тюркского синтеза: общие подходы и опыт применения джемаатом Гюлена в США.
2. Ягудин Б. М.(Казань) Кемализм и формирование политико-идеологических основ "Третьей Республики" в Турции.
3. Саетов И.Г. (ВГБИЛ). Ислам и национализм в идеологии правящей в Турции Партии справедливости и развития.
4. Дунаева Е.В. Новые тенденции в национальной политике ИРИ в период президентства Х. Роухани.
5. Филин Н.А. Причины появления и ухода с политической арены Зеленого движения в Иране.
6. Гибадуллин И.Р. (Казань) Диалектика взаимодействия исламской идеологии и иранского национализма на примере идей аятоллы Мортазы Мотаххари.
7. Москаленко В.Н. Ислам и государственный национализм в Пакистане.
8. Иванова И. И. Турция на Ближнем Востоке: концепция реагирования на вызовы международной ситуации в регионе.
9. Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества Арабских государств Персидского залива как институт обеспечения национальной безопасности стран-членов.
10. Сафаргалеев И.Ф. (Институт стран СНГ). Положительный потенциал *Тасаввуфа* и национализм в мусульманском мире.

еще задолго до проведения конгресса: «Одна из важнейших характеристик нации – язык... тот, кто считает себя частью турецкой нации, должен, прежде всего, и при любых обстоятельствах говорить на турецком языке... И если кто-либо не будет говорить по-турецки и при этом станет настаивать на своей принадлежности турецкой культуре и турецкой нации, будет неправильно верить в подобные утверждения».

Принцип определения этнической принадлежности по языку сделали из последнего один из основных маркеров кемалистского тюркизма. Мустафа Кемаль и Афет Инан трактовали его как «единство политического бытия и прародины, историческое и этническое родство». Таким образом, исчезало всякое упоминание об исламе, являвшемся одним из краеугольных камней тюркизма в его «классическом», «гёкальповском» понимании. Все это явилось прямым следствием кемалистской политики в отношении религии в 1920-е гг., когда ислам планомерно вытеснялся из общественно-политической сферы в область частной жизни. Лаицизм, ставший основным «столпом» кемалистской идеологии, и тотальная секуляризация всех сфер общественного бытия лишали мусульман, составлявших 97,5% населения Турции, доминирующей коллективной идентичности, которую спешно надо было чем-либо заменить. И как альтернатива прежней исламской идентичности кемализм предлагал тюркизм.

П. В. Шлыков (ИСАА МГУ)

Национализм в повседневной практике турецких СМИ.

Работа построена на сравнительном контент-анализе публикаций турецких общенациональных газет и интернет-изданий в период с начала 2000-х гг. до 2014 г. с точки зрения интенсивности использования националистической риторики, национальных символов, противопоставлений «свой – чужой», сфокусированности на внутривосточной проблематике.

органов власти и под их ответственность». Кроме того, в программе предусматривалось создание под патронажем Общества по изучению истории еще одной аналогичной организации, «подкомитета» – Общества по изучению турецкого языка (*Türk Dili Tetkik Cemiyeti*), главной миссией которого должно было стать проведение исторических исследований турецкого языка. Шаг этот объяснялся тем, что Мустафа Кемаль был убежден в существовании тесной связи между тюркскими и индоевропейскими языками и в том, что для последних турецкий является даже языком. На Общество изучения турецкого языка возлагалась обязанность провести сравнительное исследование языков, чтобы показать и доказать тезис о «турецком языке как наиболее влиятельном факторе в становлении и развитии всех мировых языков».

Еще одна задача, которая была поставлена перед Обществом изучения истории, заключалась в «синтезе и построении» исторического знания, опирающегося на «Главные проблемы...» (*Türk Tarihinin Ana Hatları*). Результатом работы стала обновленная версия этого труда, которая вышла под названием «Введение в основные сюжеты турецкой истории» (*Türk Tarihinin Ana Hatlarına Methal*). Следующим большим проектом Общества стал созыв исторического конгресса (2–11 июля 1932 г.), призванного по-новому взглянуть на «историю турецкой цивилизации, антропологические характеристики турецкой расы, турецкий язык и литературу».

Первый исторический конгресс завершился всеобщим признанием «Турецкого исторического тезиса» и поставил на повестку дня вопрос о чрезвычайной значимости турецкого языка, хранящего память о межкультурных контактах тюрков с другими расами, с которыми те пересеклись во время миграции из Центральной Азии, и вмещающего в себя все остальные культурно-цивилизационные особенности и характеристики, делающие нацию нацией. Поскольку турецкий язык был провозглашен носителем главных расовых и этнических признаков – только те, кто говорил на турецком языке, могли претендовать на принадлежность к турецкой нации. Причем этот тезис Мустафа Кемаль высказал

11. Чекризова О.П. (МИД РФ) Суннитско-шиитские противоречия и влияние внешних факторов на радикализацию школы ба-релви в Пакистане.

19 ноября, среда

11.00–13.30

Зал Ученых советов

Секционная сессия (4)

Национализм и мусульманские государства – культурные, экономические и социальные аспекты.

1. Суворова А.А. Пакистанский национализм в патриотических песнях.
2. Окимбеков У.В. Демографические и социально-экологические проблемы современного Афганистана.
3. Замараева Н. А. Пакистан: роль армии в защите демократических институтов и национальных интересов.
4. Лукьянов Г.В. (НИИ-ВШЭ) Регулярная армия как институт национального государства в Ливии.
5. Сажин В.И. Некоторые национально - психологические особенности жителей Ирана.
6. Каменева М.С. Персидский язык как фактор национальной интеграции.
7. Серенко И.Н. Урдуизация пакистанской школы как составная часть национальной политики государства.
8. Чабиева М.С. (МГППУ). Ислам и национализм (взгляд изнутри).

Секционная сессия (5)**Этнический национализм и этнические движения в мусульманских странах**

1. Рыжов И.В., Бородина М.Ю. (Нижний Новгород) Этнические проблемы в современной Иране.
2. Свистунова И. А. (РИСИ). Турецкая стратегия развития отношений с иракским Курдистаном и ее роль в процессе трансформации понятия национальной идентичности в Турции.
3. Вертяев К.В. Специфика курдского национального движения в контексте формирования основ курдской национальной самоидентификации.
4. Гаджиев А. Г. Проблемы национальных меньшинств в Турции
5. Сикоев Р.Р. Ислам и пуштунский национализм.
6. Нессар О. Этно-племенной фактор и политический процесс в современном Афганистане.
7. Лалетин Ю.П. (МГИМО) Трайбализм афганского социума: проявление во властных структурах и в вооруженной оппозиции.
8. Филимонова А.Л. (ИСАА МГУ). Этнонациональное движение пакистанских белуджей: истоки и особенности.
9. Горбунова Н.М. Перманентный кризис ливанского государства: роль этноконфессионального фактора.
10. Черникова Л. П. Проблемы национальных мусульманских меньшинств в современном Китае.

КОФЕ-БРЕЙК

больше, конечно, походят на религиозные, чем на этнические гонения, но, тем не менее, они вполне подпадают под рубрику «этнического национализма». На этом двойственный характер турецкого национализма не заканчивается. Так, если отрицание существования каких-либо этнических меньшинств среди мусульман Анатолии (прежде всего, многочисленного курдского меньшинства на юго-востоке Анатолии) может трактоваться как яркий показатель территориальной модели национализма, то акцент на «турецкость» и официальные репрессии в отношении любых проявлений иных национальных идентичностей (в особенности курдской) – это уже характеризует турецкий национализм как «этнический».

И все же турецкий национализм 1930-х гг. в значительной степени был этническим. В пользу этого утверждения говорят наиболее масштабные идеологические проекты кемалистов, среди которых одно из центральных мест занимает «Турецкий исторический тезис» (*Türk Tarih Tezi*).

Первоначально за создание исторической базы турецкой нации взялся Комитет турецких оджаков по изучению турецкой истории (*Türk Ocakları Türk Tarihi Tetkik Heyeti*). Эта организация была создана по поручению Мустафы Кемалю 28 апреля 1930 г. для подготовки идеологически выдержанных работ по турецкой истории. Первым реализованным научным проектом Комитета по изучению истории стал выпуск в 1930 г. 600-страничной книги «Главные проблемы турецкой истории» (*Türk Tarihinin Ana Hatları*), в котором национальная история представала в интерпретации турецких ученых.

В 1931 г. комитет был преобразован в Общество по изучению турецкой истории (*Türk Tarihini Tetkik Cemiyeti*). Мустафа Кемаль лично надиктовывал программу Общества своей приемной дочери Афет (Инан) (1908-1985), историку и одному из главных активистов Общества по изучению турецкой истории. Перед организацией ставилась задача «распространения турецкой национальной истории среди тех, кому она по праву принадлежит – граждан Турецкой Республики». Причем выполнять свои обязанности Общество должно было «под наблюдением правительства и местных

дента республики Алмазбека Атамбаева предложил назвать одну из центральных улиц именем президента РФ В.В. Путина¹.

Ввиду того, что сегодня наблюдаются кардинальные изменения не только в системе международных отношений как таковых, но и в перестроении социальных ориентиров у общества, как, например, на современной Украине, вопрос самоидентификации для государств Центральной Азии представляется крайне важным, заслуживающим детального анализа и отдельного исследования.

В. И. Шлыков (ИСАА МГУ)

Языковая политика кемалистов в раннереспубликанский период.

Ключевым периодом для оформления турецкого национализма в кемалистской трактовке и конструирования новой нации стали 1930-е гг. Именно тогда были сформулированы основные положения кемализма, т.н. «принципы Ататюрка», а сам он обрел свою структуру, продолжающую существовать и поныне.

По классификации Энтони Смита, делившего национализм на «территориальный» и «этнический», турецкий национализм 1930-х гг. можно определить как строго «территориальный», поскольку в его основе лежал принцип Анатолии как единственной исконной зоны проживания турок и отрицание возможных претензий на территории, населенные турками или же просто единоверцами-мусульманами и ранее входившие в состав Османской империи. С другой стороны, турецкий национализм в этот период носил в себе и черты этнического национализма. Их, в частности, можно было увидеть в гонениях на армян в 1915 г., а позже – в насильственном переселении немусульманского (по большей части – христианского) населения Анатолии в 1922 г., в котором видели потенциальную угрозу внутривосточной стабильности зарождающегося нового Турецкого государства. Хотя эти примеры

14.00-16.30

Зал Ученых советов

Пленарная сессия (6).

Ислам в системе современных международных отношений

1. Карякин В.В. (РИСИ). Деградация светских государственных институтов в странах арабского мира в свете активности исламского фундаментализма.
2. Уразова Е.И. Тюркский совет – новое интеграционное объединение тюркского мира.
3. Муканова Г.К., Нуржанова Ш.С. (Казахстан). Турция-Центральная Азия-Казахстан: стратегия и идентичность в международных отношениях.
4. Матвеев А.С. (Нижний Новгород). Национально-религиозная идентичность в современном Иране и ее влияние на внешнюю политику страны.
5. Федорова И.Е. Элементы панисламизма во внешней политике Ирана.
6. Махнев С.Д. (Нижний Новгород) Реакция нерегionalных игроков на первый этап «арабской весны» в Египте.
7. Сучков М.А. (Пятигорск). О влиянии актуальной ближневосточной динамики на Кавказ.
8. Плотников Д.С. (Пермь) «Русский вопрос» в Казахстане и «мягкая сила» России.
9. Хас К. (ИСАА МГУ) Вопрос выбора национальной идеологии Кыргызстана после обретения независимости.

ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

¹ Улица Путина может появиться в столице Киргизии. 21.04.2014 // <http://www.asia-centre.com/tag/pereimenovanie/>

В. Я. Белокреницкий (ИВ РАН)

Концепции национализма и проблема нации в современном исламском мире.

1. Два вида национализма – (1) государственный, гражданско-территориальный, (2) этнический или этнорегиональный (Тишков–Шнирельман, Малахов и др.). Политическая и этническая нация.

2. Универсальность концепций не очевидна. Национализм как государственного, так и этнического вида распадается на два разных типа – подданный, восточный, и гражданский, западный. Оба формально одинаковы, но различны по сути. Различие проистекает из роли среднего класса, его подчиненном, зависимом от власти положении в восточном, в том числе исламском, обществе и отсутствии такого подчинения в европейском, евроатлантическим. На Западе – власть, зависимая от собственности (государство, зависимое от общества), на Востоке – «власть-собственность» (общество, зависимое от государства) (Васильев, Кульпин).

3. Специфика проблемы ислама и национализма. Ойкуменические, антипартикуляристские принципы ислама. Исламский панисламизм. Отрицание исламом этнических и прочих различий. Государственный национализм как, в идеале, временная и вынужденная форма.

4. Проблема нации-государства в современном мусульманском мире, прежде всего суннитском (шиизм выработал свои традиции). Неглубокие исторические корни национальной государственности в суннитском ареале. (Османский халифат и его дериваты, производные). Арабский регионализм (Иванов), арабские государственные национализмы (Косач).

5. Кризис светского государства на современном этапе (с 1970-х годов) ввиду подъема исламизма. На первый план, особенно с 2010-х годов, выходят воинствующие радикалы-исламисты.

6. Центробежные тенденции разрушают границы. Но деструкция идет не только по линии собственно этнических различий, но и по линии межсектантского и этносектантского противостоя-

ганизаций спровоцировали серию критических статей в местных СМИ о неподготовленности службы безопасности и об общей тревожной тенденции в стране.

После смены власти в Кыргызстане в результате так называемой «тюльпановой революции», дискурс в отношении создания национальной идеологии поддерживался в основном двумя лицами: Адахан Мадумаровым и Дастан Сарыгуловым, на протяжении долгого времени освещавшими свое видение самоопределения государства. В то время, как Мадумаров выступал за внедрение западных концепций в идеологию, в том числе и понятия «гражданства», Сарыгулов основной упор делал на этноориентированных идеях и культе тенгрианства¹, который отличался от традиционной религии государства – ислама. Однако и эти теории самоопределения народов страны и государственности не нашли отклика среди населения.

По сообщению неназванных источников РИА Новости, заявления, появившиеся в средствах массовой информации в середине 2011 г. в отношении политики переименования улиц и административных округов в Кыргызстане, вновь обострили дискуссию по проблеме «отдаления» не только отдельных государств Центральной Азии от России, но и о планомерной региональной политике дистанцирования от Москвы. Так, например, как утверждали источники, Национальная комиссия по государственному языку при президенте республики обратилась к парламенту с целью внесения предложения об изменении названия географических объектов, имеющих русскую принадлежность.²

В то же время, в качестве своеобразной «благодарности» действующему российскому руководству, заслуженный деятель культуры Кыргызстана Нурлан Абдыкадыров в письме на имя прези-

¹ Тенгрианство – комплекс религиозного миропонимания тюрков и древних моголов. По мнению ряда религиоведов, сегодня этот культ тесно переплетен одновременно с исламом и научным мировоззрением.

² Павел Задорожный. С карты Узбекистана исчезнут имена. Информационно-аналитический портал Республика.14.10.2011.

ний. Так, среди широко известных постулатов, связанных с Манасом, являются следующие:

- Единство и сплоченность нации;
- Международная гармония, дружба и сотрудничество;
- Чувство национального достоинства и патриотизм;
- Процветание и благополучие трудолюбивого кыргызского народа;
- Гармония с окружающим миром и мировой общественностью;
- Укрепление и защита кыргызской государственности.¹

Летом 1995 г. в местности Талас, родном городе Манаса (как свидетельствует предание) было развернуто грандиозное празднование его 1000-летия. Особенность проведения настолько масштабного события, по мнению экспертов, заключалась в том, что А.А. Акаев был намерен подчеркнуть отказ от ранее освещаемой идеологии, базировавшейся на идеи «гражданства» в качестве основополагающего и центрального элемента государственного самосознания. Теперь основная мысль его выступлений сводилась к тому, что каждая нация имеет свой «генетический код», формировавшийся на протяжении тысячелетий, а Манас, в том числе, стал определением этого кода для кыргызов².

Однако ожидания руководства не оправдались и идеология «Манас» не получила существенной поддержки населения, в первую очередь русскоговорящего. Во-первых, она поощряла использование кыргызского языка и возвращение к традиционным национальным ценностям кыргызов, во-вторых, была глубоко этноориентированной и идентифицировала патриотизм с точки зрения мировоззрения кыргызов.

«2200 лет кыргызской цивилизации» стал заключительной попыткой Акаева А.А. трансформировать национальную идеологию. Тогда внутренняя нестабильность, а также вспышки межэтнических конфликтов и возрастающая роль террористических ор-

ния – арабы-сунниты против арабов-шиитов, против курдов, афганцы и пакистанцы-сунниты против этнических шиитских групп (хазарейцев) и т.д. Нацеленность крайних суннитских радикалов (вооруженных экстремистов) против «ближних» (пособников) и «дальних» врагов, против иноверцев и иностранцев.

7. Диффузия власти, ослабление государства как аппарата узаконенного насилия. Два яруса политики: верхний ярус – государство и городское, открытое общество, и нижний ярус – низовая демократия (племенная, общинная), сельское закрытое общество. Радикальная вооруженная оппозиция (подпольный исламский интернационал) действует на стыке нижнего и верхнего яруса.

8. Боевые группы (Исламское государство, Аль-Каида и т.п.) против существующего порядка – успехи на фоне внутренних трений и трещин, гражданской войны. Глобально-региональный, западно-восточный альянс – попытка консолидации системы государств с преобразованием авторитарных режимов в процессуально демократические (электоральные).

9. Перспективы – «проседание» государств (Сирия, Афганистан), фрагментация, мозаика теневых политических образований. Альтернатива – ужесточение авторитарных режимов и утверждение государственного национализма подданнического, восточного типа, отказ от имитации западных моделей, формирование антизападных региональных блоков и ассоциаций. Третий вариант – укрепление гибридных форм государственности, авторитарно-электоральных, имитационно демократических при экономическом росте на интенсивной наукоемкой основе и социальных преобразованиях с учетом национальной традиции, но без регрессивной архаизации.

¹ Ibid.

² Ibid.

А. В. Болдырев (ИБ РАН)

Российский фактор в этнополитических процессах в Османской империи в середине XIX в.

В середине XIX в. политика России в отношении османских народов претерпела эволюцию. Если в 50-х гг. XIX в. Россия поддерживала национальные движения христианских народов Турции в легальных рамках, то к концу 60-х гг. появилась новая концепция о предоставлении балканским народам свободу действий без вмешательства европейских держав в отношения Порты с христианским населением. Политика России была обусловлена необходимостью восстановления своих позиций в Черноморском регионе и традиционной политикой покровительства балканским народам в условиях консервации европейскими державами статус-кво в Османской империи. Таким образом, в рассматриваемое время российский фактор являлся составной частью в процессе вызревания титульных наций в рамках Османской империи (образование Румынии, поддержка греческого эносиса в период объединительного движения на о. Крит). С другой стороны, данные этнополитические процессы были обусловлены общим ходом национально-объединительных движений наряду с итальянскими Рисорджименто, образованием единой Германии и т.д.

К. В. Вертяев (ИБ РАН)

Специфика курдского национального движения в контексте формирования основ курдской национальной самоидентификации.

Процесс становления национального самосознания курдов, несмотря на свою длительность, прошел несколько этапов, но всё еще пребывает на стадии консолидации. И если под возможностью создания независимого курдского государства понимать собственно политический аспект процесса этнонациональной консолидации курдов, то в первую очередь нужно отметить, что

ходит аспект определения национальной идентичности теперь уже новыми обществами, которые на протяжении длительного времени, находясь в составе Союза, ощущали себя советскими людьми. Процесс сплочения наций на основе идеи, выдвинутой руководителями стран, до сих пор остается одним из основных проблемных аспектов развития внутренней и внешней политики государств.

С момента обретения независимости Республики Кыргызстан, президент Акаев А.А. проводил идеи различных проектов, которые, по замыслу правящей элиты, могли обусловить дальнейшее развитие страны. Такие идеологические программы, как «Кыргызстан – наш общий дом», призывающая к объединению различных этнических групп в стране, «Манас-1000», «Ош-3000», «2200 лет кыргызской государственности», представляющие исторически важные события в политической перспективе, стали одними из основных попыток разработать общий подход к выработке новой национальной идеи, в первую очередь, путем обращения к истокам страны и возрождению традиций досоветского периода.¹

Стремясь аккумулировать возрастающие этнонационалистические чувства в Кыргызстане середины 1990-х гг., правящая элита государства во главе с А.А. Акаевым попытались построить новую государственную идеологию, обратившись к одному из самых длинных эпических произведений в мировой литературе и истории, которое повествует о жизнеописании и действиях главного действующего лица – Манаса, объединившего киргизов.

Специальная правительственная комиссия по вопросам культуры и образованию выделила семь основных постулатов эпоса и включила их в новую государственную идеологию. Манас стал идеальным собирательным образом, описывающим истории крупных межэтнических и межплеменных сражений и побед, определял различные представления образа врага и союзника кыргызского народа, а также отражал своеобразную философию национального единства, систему ценностей общественных отноше-

¹ Erica Marat. National Ideology and state-building in Kyrgyzstan and Tajikistan. Silk road paper. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. A Joint Transatlantic Research and Policy Center. January, 2008.

Национальный архив Индии располагает уникальными документами о деятельности в этом княжестве мусульманских военизированных объединений Разакаров, о закупках низамом оружия в Пакистане для борьбы с Индией, доказывающими, что региональный мусульманский национализм в государстве-анклаве, с иноконфессиональным большинством, нежизнеспособен и, без помощи извне, может развиваться лишь *underground*.

К. Хас (ИСАА МГУ)

Вопрос выбора национальной идеологии Кыргызстана после обретения независимости.

Распад Советского Союза стал одним из ключевых аспектов формирования новой системы международных отношений. Фундаментальные изменения, происходившие на постсоветском пространстве, не обошли стороной и новые независимые государства Центральной Азии. Советская форма государственности объединяла не только общее экономическое и политическое пространство Центральной Азии, но также являлось «связующим звеном» между большим числом этнических групп и кланов, которые на протяжении длительного времени находились в довольно сложных отношениях друг с другом. В результате того, что политическая карта мира после 1991 г. претерпела существенные изменения, большинство из скрытых конфликтов как в национальном, так и региональном масштабе перешли в открытую форму и обострили внутривнутриполитическую обстановку в регионе. Получение суверенитета потребовало от новых правящих элит проведения ряда мер по легитимизации собственного положения и его последующего закрепления, поиска альтернативы коммунистической идеологии и замена ее национальной, а также определению своего места в мировом сообществе¹. Таким образом на первый план вы-

в исторической ретроспективе он всегда протекал в крайне неблагоприятных условиях. Возможно именно теперь, в XXI веке, вопрос национального самоопределения курдов продолжает оставаться неиссякаемым источником попыток обосновать возможность существования той или иной формы курдского национального государства в контексте различных современных политологических подходов к определению нынешнего статуса курдов, как народа, имеющего равные возможности с другими нациообразующими сообществами Ближнего Востока. Усилия курдских элит, подчас обладающих разновекторными подходами к проблеме национального самоопределения и направленными, в конечном итоге, на реализацию курдами такого неотъемлемого права, как политическое самоопределение, концентрируются на закреплении национального статуса курдов и обеспечении совместными усилиями, а также при участии государств, в политических границах которых расположен современный Курдистан, безопасности и всеобъемлющего мира. Достаточно сказать, что в современном курдском этноареале сам идейный посыл о том, что ни один курд, несмотря ни на какие политические, лингвистические и религиозные различия, курд не будет воевать с другим курдом, может стать одним из важнейших элементов интегрального вектора для курдской национальной мобилизации.

Так, в конце января 2014 года на севере Сирии было сформировано курдское самоуправление кантонного типа, состоящее из трех автономных регионов – Джизре, Африн и Кобани. Самоуправление кантонов формировалось в течение двух лет. По заявлениям местных властей, в ее создании принимали активное участие представители других этносов: арабы, ассирийцы и армяне. Государственными языками кантонов были провозглашены курдский, арабский и ассирийский. Вместе они получили неофициальное название республика Рожав (Западный Курдистан). Де-факто «республика Рожав» является квазинезависимым образованием, ведущую роль в политической жизни которого играет Партия «Демократический союз» (председатель: Салих Муслим). Эта политическая сила в своей деятельности руководствуется «дорожной картой» самоопределения курдского народа, предло-

¹ Лунев С.И. Политические процессы в Центральной Азии. Становление государственности в республиках региона. Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2007. С. 457.

женной Абдуллой Оджаланом (лидером Курдской рабочей партии в Турции) на основе принципов демократического конфедерализма, являющегося формой политической децентрализации без разрушения существующих государственных политических границ.

Сейчас сирийские курды не просто воюют с исламистами из ИГИЛ; они также пытаются создать новую модель демократии, которая может реально принести стабильность в этот истерзанный войной регион. Национальная специфика курдов позволяет им отстаивать идеи светского равноправия и толерантности в регионе, который разрывает на части религиозная вражда. Оджалан считает, что национальные государства изначально являются репрессивными и деспотическими и они уже изжили свой век. Поэтому, с его точки зрения для курдов не стоит вопрос о создании национального государства, каким его представляют еще со времен Французской революции. Хотя угнетенные группы людей и имеют вполне легитимное желание сформировать собственные государства, но каждое из таких новообразованных государств просто сменяет одну форму господства на другую. По мнению Оджалана, национальное государство, связанное с ксенофобским национализмом, с дискриминацией женщин и с религиозным фундаментализмом уже изжило свой век. Взамен он предлагает указанную концепцию демократического конфедерализма, которую пытаются сейчас реализовать в республике Рожава на севере Сирии.

А. В. Витол (Санкт-Петербург)

Вхождение Турции в «европейский концерт»: европейское понимание и конфликт с исламом.

Известный французский историк А. Мале (один из авторов «Истории XIX века») писал о Парижском мире 1856 г., что Турция добилась того, в чём ей было отказано в 1815 году – имелось в

родами и расами. Кроме того, надо помнить, что если небольшое количество смешанных браков между природно совместимыми этносами обновляет кровь народа и улучшает его породу, то превращение таких браков в тенденцию, способно размыть генофонд данного этноса, дарованный ему Всевышним как его индивидуальный и неповторимый «цвет».

Но, естественно, все сказанное выше нужно понимать не в смысле какого-то превосходства или избранности отдельной этнонации или наций, а в контексте обеспечения правильного соотношения между естественным здоровым происхождением человека, дающим ему цельную психофизическую базу для любой деятельности, и его идеологическими убеждениями, имеющими чисто глобальную и вненациональную природу. Выше сказанное и составляет правильное Исламское понимание вопроса о нации и национализме.

Л. А. Черешнева (ЛГПУ, Липецк)

Региональный мусульманский национализм в 1947–1949 гг. (на примере Хайдарабада).

В годы Второй мировой войны мусульманская элита колониальной Индии взяла курс на раздел страны по религиозному принципу: крупные землевладельцы рассчитывали создать *Пакистан* на основе восстановления восточных феодальных порядков, рушившихся при развитии капитализма; буржуазия полагала покончить с конкуренцией индусских магнатов; духовенство ратовало за создание “чистого государства” ислама. Уход англичан из Индии и ее раздел в 1947 г. означали победу мусульманского национализма в масштабах субконтинента.

Княжества Индостана оказались перед необходимостью присоединиться к новообразовавшимся доминионам Индийский Союз и Пакистан. Низам южноиндийского княжества Хайдарабад, – население которого было индусским, но правительство, армия и полиция состояли из мусульман, – решил остаться независимым.

ляется в двух смыслах. Первый смысл – нация как общность, вырастающая из естественных, разросшихся кровнородственных связей, т.е. этнонация. Второй смысл – нация как общность, возникающая на основе идейного родства и общности политических целей и интересов, т.е. политическая нация.

Как Ислам относится к такому национализму? Ислам категорически отвергает современный этнополитический национализм как идеологию, делающую центром политической активности этнос, его амбиции и интересы. Ибо Ислам признает только одну политическую нацию – Умму, основанную на универсальных идеологических принципах и связях, а также глобальной солидарности их последователей поверх этнических границ. В целом Ислам, по сути, вырабатывает доктрину собственного, Исламского национализма как доктрины сплоченности и единства всех мусульман и суверенитета единой Исламской нации.

Влияние этнического фактора на жизнь, как отдельного человека, так и общества в целом, трудно переоценить. Через свою национальность и расу мы получаем врожденный опыт многих поколений, свои способности, природные наклонности, таланты. Сейчас мы видим, что разные народы по-разному проявляют себя в деле защиты Ислама и единой Исламской нации, да и вклад, который могут внести в это дело разные народы – объективно разный. Этнонационализм как чувство нужно отделять от этнонационализма как идеологии. Однако идеология Ислама сама защищает этносы и их значимость в жизни человека и общества, и в этом смысле нет противоречия между Исламом как идеологией и этнонационализмом как чувством, если только речь идет о здоровом национализме как защите своего, а не крайнем, чья суть неприятие других этносов, что запрещено Исламом.

Для рассмотрения данного вопроса нужно вывести решение относительно этнически смешанных браков. Надо сказать сразу, что такие браки не запрещены в шариате и не являются чем-то предосудительным. Пророк (с.а.с.) сам выдавал мусульманок из своей Уммы за сахабов неарабского происхождения. На усмотрении самих мусульман находится возможность выполнения данного условия в случаях браков между чрезвычайно несхожими на-

виду, что по окончании наполеоновских войн она не была допущена на заседание Венского конгресса (1814–1815).

В 1856 г. ситуация изменилась кардинально. Теперь Турция вошла в число держав-победительниц. В Крымской войне Турция проявила сдержанность и не стала объявлять джихад, в то время как Франция и Россия фактически объявили свои действия «крестовым походом», продолжая спор за «святые места» с помощью оружия. Тем временем светские реформы в Турции продолжались, а новый султан Абдул-Азиз даже объявил о своем решении распустить гарем и оставить себе одну жену (правда, не получилось).

Основным событием по окончании Крымской войны был хатт-и-хумаюн 1856 г., который, пусть ещё только на бумаге, начал целый переворот, своего рода «1789 год» для Османской империи, то есть это событие в какой-то мере выдерживает сравнение с Великой Французской революцией.

Турецким реформаторам не откажешь в решительности и настойчивости, однако их успехи могли быть значительнее, если бы они не находились постоянно под давлением «исламского фактора», с его предельно осторожным отношением к «бида'а» – «новшествам». В самой Европе пагубность безоглядных («революционных») решений в поиске новых путей становилась всё заметнее (это признавали даже бывшие публицисты Просвещения – например, Э. Бёрк). Османским либералам было ещё рано оглядываться назад. Эйфория от собственных дискуссий и споров в кружках, подобных карбонарским или масонским, ещё продолжала пользоваться успехом.

Между тем исповедуемый турками-османами ислам сам подвергался нападкам со стороны сначала салафитов, а затем и ваххабитов, называвших мусульман-турок кяфирами (неверными, достойными лишь смерти), а османских султанов – лжехалифами. Опасность для Порты представляли не только соотечественники – ваххабиты. Вторжение на территорию Османской империи (в Египет) войск Наполеона означало новые проблемы и для ислама. Наполеон, который не раз заставлял египетских шейхов писать шерифу Мекки о том, что французы являются мусульманами,

несколько озадачило мусульманских улемов. «Революционная» лёгкость французской «религии разума», естественно, не помешала генералу Мену и около 500 солдатам и офицерам принять ислам: они остались в долине Нила после эвакуации французской армии.

Вторжение Наполеона придало немало смелости и ваххабитам, убедившимся в слабости Порты. Борьба с ваххабизмом, не утихающая до наших дней, активизирует ханафитский мазхаб, сохраняющийся в Турции. Конфликт Порты с непокорным египетским вассалом Мухаммедом Али, привёл её к союзу с царской Россией (1833), то есть опять-таки к сближению с христианской державой, культурные и революционные традиции которой взаимодействовали на турецкой почве с западными.

После 1848 года царскую Россию объявили в Европе «душительницей свободы», в то время как Турция в описаниях европейской прессы превратилась в прибежище «прогрессивных» эмигрантов из Венгрии, Польши и других стран. Настоящим триумфом популярности Турции стала первая Всемирная выставка в Лондоне (1851).

Во время Крымской войны турецкие реформаторы ощущали поддержку и сочувствие Запада, а хатт 1856 г., казалось, лишил критиков последних аргументов.

Польская, то есть «почти западная» диаспора в Турции во время крымских сражений формировала польские казачьи легионы, которые предполагалось включить в состав гипотетического польско-кавказского государственного образования – оплота будущей борьбы за освобождение Польши. Деятельность польских эмигрантов была для турецких реформаторов дополнительной опорой в противостоянии с основным противником – Россией.

Вхождение Турции в «концерт», кроме выгод, таило и огромные опасности, трудности «психологической ломки для турецкого народа», имевшего сложившийся и устойчивый менталитет. На пути сближения с Западом и в поиске места ислама в новом обществе предстояло сделать ещё очень много.

Мохаммед Реза Пехлеви, в основном, преследовал свои дипломатические цели после роста доходов от нефти. Его дипломатические цели можно разделить на три группы:

1) посредничество в урегулировании региональных кризисов: в том числе можно указать роль Ирана в арабо-израильских конфликтах. Переход вооружённых сил Египта через Суэцкий канал и завоевание линии Бар-Лева произошли благодаря региональной роли Ирана.

2) экономическая поддержка развивающихся стран и Всемирного банка: в этот период, благодаря тому, что Иран нашёл рынок для своих товаров, он начал развивать экономические отношения с африканскими государствами; в том числе, можно указать на предоставление финансовых кредитов и безвозмездной экономической помощи, крупное инвестирование в ближневосточных и африканских странах. Предоставление кредита на сумму в один миллиард долларов Всемирному банку и инвестиции в экономические проекты в Германии, Франции, Бразилии, Южной Африки, Пакистана, Египте и в некоторых других африканских странах свидетельствуют об укреплении экономических и стратегических отношений Ирана в 70-х гг.

3) поддержка проведения курса на стабильность на Ближнем Востоке: используя военную мощь и экономические возможности (доходы от нефти), Мохаммед Реза шах пытался управлять ближневосточными кризисами. Официальный Вашингтон поддерживал региональную роль Тегерана. Президент Картер во время поездки в Иран назвал эту страну островом стабильности, имеющим самые дружеские отношения с США.

М. С. Чабиева (МГППУ) **Ислам и национализм.**

Говоря об отношении Ислама к национальному вопросу надо в первую очередь определиться с понятием самой нации. А оно, как в Коране, так и в современном понятийном аппарате употреб-

визавующихся стран останутся нестабильными из-за перераспределения инвесторами своих портфелей. Если в ближайшей перспективе Турцию действительно ожидает снижение доступности внешнего финансирования, то тогда вопрос об экономических перспективах страны оказывается жестко увязан с ее способностью к повышению сбережений и самофинансированию инвестиций. Но повышение сбережений неизбежно приведет к сужению внутреннего рынка, то есть снижению потребления.

Наш главный тезис заключается в том, что сложности на пути к обозначенным необходимым переменам, могут оказаться для Турции более серьезными, чем это кажется на первый взгляд. Препятствия в процессе осознания новых экономических вызовов вполне способны создать прочные, берущие свое начало еще в османском прошлом традиции покровительственного отношения государства к частному потреблению и его неформальной ответственности за защиту благополучия граждан.

Хедаяти Шахидани М. (К(П)ФУ, Казань)

Общие и конкурентные цели внешней политики Ирана в период правления Мохаммеда Реза шаха.

В докладе рассматриваются особенности внешней политики Ирана в период правления Мохаммеда Реза шаха. Внешняя политика зависит от национальных целей стран, событий, роли и политического давления других международных игроков на политические ведомства. Мохаммед Реза шах считал, что следует политику альянса и коалиции с США на основе моделей безопасности и взаимных интересов, и поэтому всякое урегулирование внешней политики Ирана в этот период нужно рассматривать на основе понимания политических руководителей. Важнейшие цели внешней политики Ирана в то время можно разделить на две группы: 1) конкурентные и независимые цели; 2) Общие и дипломатические цели.

И. Р. Гибадуллин (ИЕМИ, Казань)

Диалектика взаимодействия исламской идеологии и иранского национализма на примере идей аятоллы Мортазы Мотакхари.

Одним из важнейших вопросов, определявших направленность основных общественных дискуссий в Иране, всегда было понимание роли национальной идентичности иранцев. По мере дальнейшей модернизации Ирана в 60–70-е гг. XX в., сколь поверхностной и непоследовательной она ни была, этот вопрос приобретал все большую актуальность, и особенно остро вставала проблема соотношения национальной и религиозной составляющих иранской идентичности.

Исламская цивилизационная и персидская этнокультурная доминанты иранского сознания на протяжении длительной истории Ирана гармонично сочетались друг с другом (при безусловном доминировании первой), порождая своеобразный феномен ирано-исламской цивилизации. Однако в них изначально был заложен некий конфликтный потенциал, который периодически проявлял себя в разные периоды иранской истории, ведь этнокультурная составляющая несла в себе память о подавленной цивилизационной идентичности иранцев, связанной с зороастризмом и имперским наследием Ахеменидов и Сасанидов. В XX в. этот конфликтный потенциал проявил себя с особой силой, когда за основу государственной идеологии были взяты идеи национализма, черпавшего вдохновение в доисламском прошлом Ирана.

Развитие Ирана как политической нации в условиях XX в. было неизбежным процессом, поэтому исламские деятели не могли игнорировать ее существование и должны были осмыслить этот феномен, чтобы дать адекватный ответ тем социальным и историческим мифам, которые шахский режим эксплуатировал для формирования иранской нации на секулярной основе.

Один из ведущих идеологов исламского движения 60–70-х гг. в Иране М. Мотакхари считал необходимым апеллировать к позитивным проявлениям национальных чувств и вступить в спор с националистами, опираясь на присущую им же логику нацио-

нальных чувств, чтобы ответить на главный вопрос: «Является ли Ислам частью иранского национального самосознания?».

Суть его подхода состояла в том, чтобы создать альтернативу существовавшим тогда концепциям иранского национализма, которая бы носила исламский характер и не противоречила идее исламского единства. Здесь в очередной раз проявился синтетический характер интеллектуальных построений М. Мотаххари, стремившегося отразить в своем дискурсе все основные явления современности, что во многом требовало усвоения и адаптации самых разных современных понятий и концепций. В диалектике противостояния западной в своей основе идеологии национализма и исламского традиционализма сформировался новый подход, который получил выражение в идеях М. Мотаххари. Тот отклик, который его лекции нашли в широких кругах иранской интеллигенции и студенчества, говорит о том, что этот подход во многом импонировал прогрессивно мыслящим слоям иранского общества.

М. Мотаххари представлял нацию как эволюционирующую общность, пребывающую в постоянном движении. Поэтому он отрицал наличие неких постоянных и неизменных основ, имманентных нации и формирующих ее «дух». В своих лекциях М. Мотаххари стремился показать исторически присущую иранцам «природную нравственность» и то пагубное воздействие, которое оказывало на нее зороастрийская религия. Согласно М. Мотаххари, зороастризм потерпел историческое поражение от Ислама, так как не способствовал развитию «природных талантов», установлению социальной справедливости, духовного и социального единства иранского народа. И народ, познакомившись с Исламом, со временем сделал свой выбор в его пользу.

Ислам в концепции М. Мотаххари не вытесняет историческую и цивилизационную субъектность иранской нации, ее способность к масштабному созиданию и творчеству, а выступает в роли стержневого элемента этой субъектности. Фактически, Иран обретает эту субъектность в Исламе, точнее в исламской цивилизации, которая в свете вышесказанного проявляет себя как ирано-исламская цивилизация. Эта идея в сочетании с переживаемым иранцами ощущением своей шиитской исключительности в ок-

тики чрезмерных правительственных трат, наращивания денежной массы и ускорения инфляции. Следует добавить, что приобретенный характер имманентного расточительства правительств поддерживалось и за счет практически постоянного использования внешних источников финансирования.

Разумеется, на протяжении второй половины XX в. выделяются периоды, которые отличались некоторыми вариациями проводившейся экономической политики и особенностями в понимании основных целей и направлений использования избыточных по сравнению с бюджетными доходами правительственных трат.

Период правления в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) (с 2002 г. по настоящее время) принято считать весьма успешным для экономики страны, поскольку в течение этого времени уверенный рост сопровождался, на первый взгляд, решением ряда застарелых проблем экономического развития – бюджетного дефицита и хронической инфляции.

Но позволяют ли успехи Турции в сфере финансовой стабилизации говорить о смене модели роста в период правления ПСР? По всей видимости, нет. Сущностные механизмы поддержания экономического роста в стране изменились не принципиально по сравнению с периодом 1990-х годов: в 2000-е годы, хотя и при относительно сбалансированном бюджете также происходило расширение потребления, но в основном за счет механизма потребительского кредита, объем которого в 2010–2011 гг. возрастал ежегодно не менее, чем на треть, и, следует особо подчеркнуть, механизмов социальной помощи, оказываемой по линии государства. Неизбежно возникавший при этом дефицит сбережений (и соответственно инвестиций) компенсировался за счет внешних источников финансирования, точнее – зарубежных займов частного сектора. При этом масштаб их использования значительно вырос.

Успешно привлекать жизненно необходимый и при этом значительный объем капитала с внешних рынков Турции удавалось за счет сравнительно высоких процентных ставок. Но ситуация с использованием внешнего финансирования будет меняться не в пользу Турции. Эксперты едины в убеждении, что экономики раз-

Поставив во главе угла «высшие экономические интересы нации», правительство правившей Народно-республиканской партии, опиравшееся на политический авторитаризм, проводило политику мобилизационного типа, в условиях которой большинство населения экономически существенно проиграло ввиду утраты экономической политикой государства социальной составляющей, связанной с традиционным поддержанием всеобщего благосостояния или благоденствия.

Резкое преломление в 1930-е годы направленности экономической политики государства, ослабление ее социальной ориентированности, по всей видимости, стало одной из основных причин сокрушительного поражения правящей партии на выборах 1950 г., то есть практически сразу же после ослабления авторитарного прессинга и появления у граждан республики возможности хотя бы ограниченного выбора.

Разочарование избирателей деятельностью правительства НРП в сочетании с опиравшимися на традицию ожиданиями активности властей в сфере перераспределения во многом определили характер последующей экономической политики власти в условиях многопартийной системы и жесткой борьбы между партиями за голоса. Со второй половины XX в. в Турции устанавливается система политического правления, при которой имманентным свойством экономической политики становится популизм или стремление купить благосклонность избирателя любой, часто чрезмерно высокой для правительства (национального бюджета) ценой. В итоге Турция вступила в период хронических бюджетных дефицитов. В условиях подконтрольности Центрального банка исполнительной власти эмиссия стала важным компонентом их финансирования. Среднегодовые по периодам темпы прироста денежной массы после 1950 г. становятся настолько существенно выше, что позволяют уверенно говорить о смене качественных характеристик кредитно-денежной политики и придании ей устойчиво расширительного характера.

Таким образом, выстраивается модернизационная траектория, для которой 1950 г. представляется точкой отсчета для прочно укоренившейся в последующие десятилетия популистской поли-

ружении суннитского большинства давала пищу для формирования мессианского настроя, который заявил о себе во время Исламской революции и особенно в последовавшие за ней годы ирано-иракской войны.

М. Мотаххари удалось сформулировать концепцию нации, основанную на «тоухидной идеологии» и соответствующую его социально-философской доктрине. В рамках этой концепции он попытался соединить идеи иранского национализма и исламского единства, которые на первый взгляд могли бы показаться абсолютно несовместимыми. М. Мотаххари признал существование иранской нации и даже обосновал ее исключительность, однако наделил понятие нации таким содержанием, которое не ограничивалось национальными рамками, а выходило на уровень общеисламского единства и даже солидарности антиимпериалистических сил всего мира. Национальное становилось формой выражения идеалов исламского движения. Шиитское духовенство в лице М. Мотаххари и некоторых других деятелей сумело нейтрализовать эффект националистической и антирелигиозной пропаганды шаха, перехватив инициативу в вопросе формирования параметров национальной идентичности иранцев. Поэтому в Исламской революции 1978–1979 гг. адресатом всех политических посланий борющегося духовенства была «иранская нация», а не некая абстрактная мусульманская общность, лишенная национальных признаков и национального самосознания.

С. Н. Каменев (ИБ РАН) Особенности и перспективы развития национального хозяйства Пакистана».

После прихода к власти в стране правительства Наваз Шарифа в мае 2013 г. обозначилась тенденция изменения в постановке задач развития национальной экономики: заметный акцент был сделан на достижении больших темпов экономического роста, нежели на решении социальных проблем, в первую очередь со-

кращение неравенства в распределении доходов и борьба с возрастающей бедностью.

Темпы роста национального хозяйства страны составили по официальным данным в истекшем, 2013/14 г. около 4% и запланированы на нынешний, 2014/15 г в размере более 5%. При этом правящие круги намерены заметно увеличить экспорт и несколько снизить рост импорта с целью сокращения значительного отрицательного сальдо торгового баланса, и повысить таким образом почти в 2 раза валютные резервы страны – до 22 млрд. долл. Одновременно правительство намерено создавать лучшие условия для большего притока валюты от пакистанцев, работающих за границей. А главное – попытаться решить основную проблему экономики страны, существующую уже не один год – энергетическую, привлекая при этом финансовые ресурсы международных организаций – Азиатского банка развития, МВФ, Всемирного банка.

Однако задачи социального развития нации в немалой степени остаются на бумаге – это относится не только к борьбе с нищетой, но и к росту затрат на образование и здравоохранение. По рейтингу благосостояния нации, подготовленному в октябре 2014 г. Международной организацией «Legatum Institute» для 142 государств мира, Пакистан находится на 127 месте; причем по таким показателям как личная свобода пакистанцев, безопасность личности, уровень коррумпированности бюрократического аппарата, уровень образования и здравоохранения Пакистан находится на одном из последних мест. Ниже располагается из государств региона лишь Афганистан, занимающий 137-ю строку.

По нашему мнению, в случае выполнения обещаний ведущих международных финансовых институтов о предоставлении Пакистану значительной помощи, а также дальнейшего увеличения притока валюты от пакистанцев из-за рубежа, роста экспорта страна сможет выйти если не на 5% роста экономики, то, по крайней мере достичь рубежа примерно в 4,5%.

нии взаимообусловленных и взаимопроникающих государственных установлений (канунов) и шариатских норм.

В рамках классической экономической доктрины значительное место занимает идея богоугодного предела имущества богатых в пользу бедных, улучшения условий жизни общины, благополучие которой приоритетно по сравнению с благополучием отдельного индивида.

Один из основных принципов экономической политики государства заключался в стремлении уравнивать население в распределении богатства и собственности. Государство тем самым выполняло одну из основных функций и предписаний ислама, хотя одновременно пресекало возможность возникновения и легализации крупных состояний.

Накопленные богатства отходили в фонд государства часто в форме создания целевых благотворительных фондов, но зато общество и государство были способны (каждый раз при соответствующих обстоятельствах) выполнять по отношению к индивиду определенные патерналистские функции, создавать вокруг мусульманина своеобразный кокон патерналистских отношений.

Таким образом, сложившаяся в Турции экономическая традиция, казалось бы, придавала вполне органичный характер этатистской экономической модели 1930-х годов, в рамках которой, государство, отреагировав на мировой экономический кризис и слабость национальной буржуазии, активно занялось предпринимательской деятельностью в целях проведения индустриализации и обеспечения подъема национальной экономики.

Вместе с тем, этатизм 1930-х несомненно имел и специфические черты: государство часто на правах монополиста участвовало в создании новой экономики. Поэтому, активную деятельность государства, в первую очередь, следует понимать как принятие им на себя функций по созданию крупных промышленных предприятий (пресловутого крупного машинного производства). Следовательно, произошло *смещение акцента в государственной экономической политике со сферы распределения на сферу производства, что было чревато забвением интересов потребления государственного, но что особенно важно, – частного.*

дарство все больше превращается из регионального в глобального игрока в исламском мире. Во-первых, в отличие от Афганистана под властью талибов, оно находится не на периферии, а в самом центре исламского мира. Во-вторых, ряд исламистских организаций Северной Африки и Африки Южнее Сахары уже присягнули на верность ему, а Движение Талибан в Афганистане и Пакистане заявили о его поддержке. Во-третьих, связь с исламской диаспорой, в том числе с неوفитами из числа местных жителей в Европе, Америке и странах бывшего СССР, включая Россию дает ему почти безграничные возможности террористической деятельности по всему миру, несоизмеримые по своей перспективе по сравнению с той, которой обладали террористические сети в предыдущие десятилетия.

Н. Ю. Ульченко (ИВ РАН)

Религиозная традиция и особенности национальной экономической модели Турции.

Экономическая жизнь Османской империи обуславливалась приоритетом государственной собственности и государственным контролем за распределением ресурсов и хозяйственной деятельностью населения, что позволило исследователям экономической истории Османской империи охарактеризовать экономический строй султанской Турции в классический период (XV–XVI вв.) ее существования как систему распределительных отношений.

И позже вплоть до буржуазной революции 1908 г. существовала система регламентации, которая предусматривала вмешательство государства в производство, торговлю и ценообразование.

Что касается причин традиционно высокой экономической активности государства в Турции, то соглашаясь с тем, что «османский образ жизни и мысли формировались под воздействием многих факторов», мы склоняемся к тому, чтобы вслед за С.М. Ивановым признать важнейшим из них ислам. Классическая османская экономическая доктрина строилась на гибком сочета-

В. В. Карякин (РИСИ)

Деградация светских государственных институтов в странах арабского мира в свете активности исламского фундаментализма.

В арабо-исламском мире традиционные неформальные социальные институты, основанные на шариате, соседствует с государственными политическими институтами, построенными по моделям западной демократии. Это объясняется тем обстоятельством, что во времена крушения колониальной системы в большинстве стран Ближнего Востока политические системы были скопированы или оказались близкими по своим функциям и структуре западным политическим институтам. Однако ренессанс ваххабизма, проповедующего возврат к истокам ислама, сделал политические системы, построенные по западному образцу, нелегитимными в глазах арабской общественности. Этим обстоятельством можно объяснить феномен «арабской весны», вылившейся в массовые протестные выступления в Тунисе, Египте, Ливии, в гражданскую войну в Сирии и Ираке. Появление на региональной арене Исламского государства придало ещё большую непрогнозируемость развития государств Ближнего и Среднего Востока, порождая многочисленные конфликты на внутригосударственном и на региональном уровнях.

Сравнительный анализ роли политических институтов Европы и стран арабского мира показывает, что в регионе Ближнего и Среднего Востока имеет место минимальный уровень институализации, создающий значительную степень неопределённости развития социально-политической обстановки, следствием чего является рост социальной энтропии и нестабильности, инициирующих разного рода вызовы и угрозы, непосредственно влияющих на региональную безопасность. Это объясняется тем обстоятельством, что в данном регионе не существует механизмов экономического и силового принуждения законам международного права, что создаёт условия для хаотизации международных отношений и создаёт предпосылки для превращения региона в сплошную «серую зону» социально-политической бифуркации, что и

проявилось в событиях, начиная с 2011 г. в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Причинами, порождающими нестабильность в странах арабомусульманского мира, являются безуспешность попыток Запада трансформировать арабо-исламский мир в соответствии со своими цивилизационными стандартами, индивидуализм и эгоизм западного социального индивида, противоречащий принципам кланово-групповой лояльности и верности принципам ислама. Экономика свободного рынка не вписывается в системы, основанные на кланово-групповых взаимоотношениях и нормах шариата. Приоритет международного права над национальным порождает национализм, антиамериканизм и антизападничество. Политические элиты ближневосточных государств хорошо осознают тот факт, что глобализация мира ведёт к его делению на управляющий центр, находящийся в ведущей стране западного мира – США, и эксплуатируемую им периферию, что является принципиально неприемлемым для мусульманской «уммы».

В противовес процессам глобализации в странах третьего мира возрождается конфессионально-цивилизационная идентичность народов, следствием чего является возврат к традиционным общественным укладам¹. Глобализация мирового пространства всё отчетливее сопровождается в арабо-исламском мире ренессансом языкового и культурно-конфессионального самоутверждения². Более того, такая традиционализация зачастую принимает различные формы джихада против глобальной экспансии идеологии и ценностей западного мира³.

Этим объясняется начавшийся в конце XX в. кризис идеологии национально-государственных институтов арабского мира. Причиной были чуждые исламу идеи, привнесённые иностранным образованием и светским мышлением национальных элит. Главной причиной при этом был фактор непризнания легитимности национального государства со стороны идеологов ислама. Глоба-

отчетливые черты государственного проекта, претендующего на универсальную, глобальную роль.

2. Центральным звеном в полосе напряженности, охватывающей сегодня значительную часть исламского мира и прилегающих к нему регионов, является ближневосточный узел, который в нынешнем своем состоянии претерпел существенные изменения в сторону значительно большей многокомпонентности и значительно меньшей предсказуемости по сравнению с самым застарелым в мире арабо-израильским (сегодня в основном палестино-израильским) конфликтом, существующим со второй половины 40-х гг. XX в. В последние годы эпицентр конфликта сместился на территорию Сирии, а затем и Ирака. Обе страны на сегодняшний день выглядят частично территориально и институционально распавшимися, большая часть их национального пространства охвачена гражданской войной. Общерегionalный характер конфликту придает политико-конфессиональное противостояние, далеко выходящее за рамки отдельных государств. Фактически в регионе сложились межгосударственные суннитская и шиитская оси, имеющие тенденцию принять тотальный характер на региональном уровне. Но наибольшую непредсказуемость дальнейшему ходу развития конфликта придает тот факт, что в центре него оказывается никем извне не контролируемое, самодостаточное в финансово-экономическом и военном отношении террористическое исламское государство.

3. Это развитие событий чревато дальнейшей эскалацией угрозы как в сугубо региональном, так и в более широком плане. Ни одно государство региона не ограждено от реальных угроз внешнего вторжения, вооруженных конфликтов с соседями и внутреннего коллапса. Это относится прежде всего к Турции, Ливану, Йемену, Саудовской Аравии и Израилю. Причем комплекс угроз (в отношении Турции, Ливана, Йемена и Израиля уже частично реализуемых) таков, что ставит каждое из этих государств в затруднительную ситуацию относительно приоритетов реагирования на них.

4. Следует обратить внимание также и на глобальное измерение сегодняшнего ближневосточного конфликта. Исламское госу-

¹ Хангиттон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

² Нейсбит Д. Мегатренды. М.: АСТ; Ермак, 2003. С. 114.

³ Barber B.R. Jihad vs MacWorld: How Globalism and Tribalism are Reshaping the World. New York: Ballantine, 1996.

К. М. Труевцев (НИУ-ВШЭ)

Зоны региональных конфликтов: ближневосточный узел как эпицентр противостояния современного панисламистского проекта и национальных государств.

Мировое сообщество вступило в чрезвычайно опасную фазу в своем геополитическом развитии. Несмотря на неосмотрительные и сами по себе опасные попытки охарактеризовать ее как уже начавшуюся третью мировую войну, современный мир подходит достаточно близко к этой грани. Мир севернее экватора почти полностью опоясан зонами региональной конфронтации. Таких зон на сегодня насчитывается 5: Ближневосточная, Североафриканская, Южно-Центральноазиатская, Тихоокеанская и Центральноевропейская. Потенциально к ним может присоединиться в ближайшее время шестая, Центральноамериканская, и тогда глобальный пояс зон региональных конфликтов замкнется. Все эти региональные конфликтные зоны существенно разнятся по уровню и потенциалу конфликтогенности, реальному и потенциальному характеру самих конфликтов, характеру их участников, их интересам, мотивациям, объективно возникающим и субъективно выставляемым целям. Тем не менее, во всех этих зонах представлены, помимо региональных, прямо или косвенно также и основные глобальные игроки. Все это обуславливает меру всемирной опасности современных конфликтных зон.

1. Здесь нет места для полной характеристики всех перечисленных зон региональных конфликтов. Поэтому следует применительно к востоковедческому анализу обратить особое внимание на первые три (Ближневосточную, Североафриканскую и Южно-Центральноазиатскую), тем более, что их объединяет ряд существенных общих характеристик. Во-первых, все они расположены в исламском мире, непосредственно затрагивая интересы и безопасность не только мусульманских, но и пограничных или переплетенных с ними иноконфессиональных и иноцивилизационных государств и национальных общин. Во-вторых, во всех этих конфликтных зонах ведущую конфликтогенную роль приобрел исламистский фактор, в последнее время приобретающий все более

лизация поставила под сомнение такие базовые парадигмы в сознании арабского социума, как национализм и социализм, на основе которых строились государства по западной и советской моделям политического устройства во второй половине XX в. В результате начался процесс делегитимизации, а затем сначала скрытого, а затем и явного демонтажа светских государственных институтов.

Исламский мир дал асимметричный ответ на вызовы западного глобализма. Но это были не поиски чего-то нового, а возвращение к истокам ислама, традиционным ценностям, заложенным во времена пророка Мухаммеда и правления четырех праведных халифов. Можно констатировать, что феномен исламского возрождения есть реакция отторжения со стороны арабо-исламского мира опасностей глобализации, выразившаяся в ускорении процессов деструкции национальной государственности в данных странах.

Для мусульман исламская концепция государства базируется на религии. Поэтому настроениям «уммы» (арабской улицы) соответствует требование деструкции национального государства, как построенного на неисламских ценностях, общественное мнение которой убеждено в том, что только на обломках национальных государств можно построить идеальное исламское государство в соответствии с требованиями Корана.

Похоже, что деструкция арабского национального государства имеет необратимый характер. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке говорят о том, что Запад пока не получил никаких дивидендов от уничтожения неугодных ему режимов, так как на смену приходит социальный хаос и на его волне приходят к власти движения радикального политического ислама в лице Исламского государства, Братьев мусульман, Хезбаллы, Хизб-ут-Тахрир и ХАМАС¹.

¹ Barhash O. Gaddafi, the Enemy of Allah, His Messenger and the Ummah Kills Hundred or Even Thousands of People // Hizb ut-Tahrir, 21 February 2011.
URL: <http://www.hizb-ut-tahrir.org>

Л. М. Кулагина, В. М. Ахмедов (ИВ РАН)

Национально-идеологические аспекты внешней политики ИРИ в условиях борьбы с «Исламским Государством» на Ближнем Востоке.

Укрепление позиций «Исламского Государства» (ИГ) в Ираке и Сирии и начало военной операции сил международной коалиции против него существенно меняет баланс сил на Ближнем Востоке и бросает определенный вызов политике Ирана по сохранению и укреплению своего влияния в ближневосточном регионе.

В Иране не могли не обратить внимания на ряд важных аспектов политики и идеологии ИГ, которые оно использует для укрепления своих позиций в регионе. Тегеран не мог также пройти мимо того факта, что ИГ пытается распространить свое влияние за пределы Ирака и Сирии, в частности в Ливане (Триполи), Палестине (Газа), а также ряде стран Арабского Магриба.

Определенную озабоченность Тегерана вызывают идеологические политические планы ИГ, которые, в частности, декларируют идею восстановления «Халифата», что находит определенную поддержку не только среди немалого количества населения арабских государств, а также среди части правящей элиты Турции.

Характерно, что немалая часть правящей исламской партии и ее националистической оппозиции находят немало общего в расчетах возможной конвертации этой идеологической «химеры» в совершенно конкретные политические шаги на основе набирающей популярность идеи «нового османизма».

Естественно, подобная ситуация, не может не представлять сопредельную угрозу амбициозным политическим планам Тегерана в регионе Ближнего и Среднего Востока.

ИГ бросает вызов сложившейся на протяжении последних десятилетий системе государственности в регионе, ломая структуру национального суверенитета и размывая национальную идентичность ближневосточных государств возникших в результате англо-французского передела Османского наследства на Ближнем Востоке.

Наиболее четко национальная концепция афганского правительства была изложена на страницах газеты «Иттихади машрики» («Восточный союз»), которая издавалась в г. Джелалабаде и была предназначена, прежде всего, для пуштунской элиты, среди которых широко были распространены идеи панисламизма.

По этой причине сразу же после подавления мятежа в Хосте в марте 1925 г. «Иттихади машрики» призвала всех мусульман объединиться, чтобы добиться благоденствия. Внутренние междоусобицы объявлялись главным препятствием на пути создания сильного Афганистана – главной цели афганизма. Все, что способствует этому объявлялось соответствующим «национальным целям» и Исламу. В газете утверждалось: «Ислам тесно связан со всеми афганскими чаяниями и надеждами, Ислам и афганизм – это одно неразрывное целое».

Далее, намекая на интриги Великобритании в период мятежа в Хосте, в газете указывалось, что на будущее «необходимо остерегаться и не отдавать себя и свое государство в распоряжение иностранцев», ибо все мусульмане должны быть «связаны друг с другом ... крепкими узами». В первую очередь, это относилось к мусульманам Британской Индии и населению Средней Азии. Конечной целью такого сотрудничества должно было стать не только укрепление Афганистана, но и создания «противовеса всем западным народам».

Отдельные идеологические установки бывшей Российской империи также были позаимствованы афганскими политическими деятелями. Так, на примере подавления мятежа 1924–1925 гг. в джелалабадской газете утверждалось, что в период опасности афганские патриоты руководствовались лозунгом «За веру, эмира и отечество». Явно из Советской России в Афганистан пришел и другой лозунг, слегка «переработанный» в этой восточной стране, в 1920-х гг.: «Мусульмане всех стран, объединяйтесь!»

М. А. Сучков (Пятигорск)
О влиянии актуальной ближневосточной динамики на Кавказ.

Кардинальные общественно-политические трансформации на всем пространстве Ближнего Востока в результате т.н. «арабской весны», изменение политического статуса-кво в регионе и рост угрозы радикального исламизма породили серьезные вызовы не только для государств Ближнего Востока, но и за его пределами.

Особые риски данные процессы несут для безопасности и стабильности Северного Кавказа, как одного из наименее стабильных и наиболее уязвимых для внешнего влияния регионов России. В докладе будет предпринята попытка выявить основные каналы влияния ближневосточной динамики на северокавказские «сюжеты», и оценить перспективы развития ситуации в этой области.

Ю. Н. Тихонов (Липецк)
Влияние идей панисламизма и российских идеологических установок на доктрину афганского национализма в середине 1920-х гг.

Восстание пуштунских племен в Хосте в 1924–1925 гг. было первым грозным предупреждением эмиру Аманулле-хану, проводившему политику модернизации Афганистана. Вооруженное противостояние между мятежными племенами и центральным правительством привело к обострению идейной борьбы между реформаторами и консервативно настроенной племенной элитой. По этой причине на страницах афганской прессы амануллисты попытались сформулировать доктрину афганского национализма (афганизма), что стало значительным шагом в обосновании необходимости масштабных реформ, целью которых было создание «Великого Афганистана».

В случае успешной реализации хотя бы части планов ИГ на захваченных территориях, это может представлять реальную угрозу сохранению внутренней стабильности и национального суверенитета Иранского государства, в составе которого представлены различные национальности и религиозные общины.

За последний год ИГ сумело активно внедриться в ткань арабских революционных движений, которые в свое время поддержал Иран, чтобы укрепить свои позиции в регионе. С другой стороны, в Сирии, например, ИГ сражается не столько против режима Асада, сколько против Запада и поддерживаемых им сил сирийской вооруженной оппозиции.

В тоже время ИГ стремится к свержению существующих арабских режимов в других странах, рассматривая политику их правителей в рамках своих такфиристских установок как несправедливую и несоответствующую нормам истинного Ислама. С этой точки зрения ИГ может представлять потенциальную угрозу стабильности Саудовской Аравии и ряда других арабских монархий Персидского залива.

На данном этапе развития военно-политической ситуации на Ближнем Востоке и вокруг него, ИГ рассматривается в иранском руководстве как потенциальная угроза или соперник планам Тегерана по укреплению своего идеологического и политического влияния в регионе. Поэтому в последние месяцы ИРИ, используя, в том числе, свои возможности в ливанской «Хизбалле», предприняло ряд активных военно-политических шагов, которые могли бы обеспечить сохранение позиций Ирана в Леванте при любом развитии ситуации в регионе.

С другой стороны, указанная выше угроза, представляемая ИГ для арабских монархий Персидского залива, и его антизападные настроения импонируют Тегерану. Иран рассчитывает их использовать в диалоге с Западом по ядерному вопросу, а также вынудить США признать Тегеран частью вновь создающейся системы региональной безопасности на Ближнем Востоке.

В этой связи нельзя исключать того, что при определенных изменениях политической конъюнктуры в регионе, ИГ может начать рассматриваться в Тегеране не только в качестве соперника,

но как временного «попутчика» для использования в реализации своих стратегических планов на Ближнем Востоке.

Достаточно вспомнить, что еще совсем недавно Иран, обладающий серьезными военными и политическими позициями в Ираке, сравнительно легко пошел на «сдачу» своего верного союзника Н. аль-Малики. А также практически не оказал какого-либо серьезного противодействия ИГ на первых этапах его военных операций в Ираке, приведших к захвату ряда стратегических важных объектов и крупных городских центров (Мосуле)

ИГ выросло из движения, использующего террористические методы на волне арабских восстаний 2011–2014 гг. Совершив ряд успешных вооруженных операций, которые отличались хорошей координацией действий его отрядов, ИГ распространило свое влияние на ряд территории Сирии и Ирака, взяв под свой контроль ряд стратегически важных районов этих государств.

ИГ в первую очередь концентрирует внимание на революционных движениях в регионе, в которые оно глубоко внедрилось за последний год в результате чего ему во многом удалось развалить эти движения и извратить саму идею «Арабской весны».

ИГ провозгласило и удачно эксплуатирует идею создания исламского государства (халифата). Для реализации своих целей ИГ активно играет на суннитско-шиитских противоречиях в регионе. Наряду с этим сама идея восстановления «халифата» служит мощным религиозно-идеологическим орудием для мобилизации широких слоев мусульманского населения, прежде всего, самых различных оттенков салафитского толка, для укрепления позиций ИГ в Ираке и Сирии, а также распространении своего влияния в Ливане, Палестине и ряде государств Арабского Магриба.

Г. В. Лукьянов (НИУ-ВШЭ)

Регулярная армия как институт национального государства в Ливии.

В мае 2014 г. на территории Ливии группа офицеров национальной армии во главе с генералом Х. Хафтаром объявила о начале военно-полицейской операции под кодовым названием «Дос-

представлял будущий Пакистан как государство и общество, где будут уважаться права религиозных меньшинств.

Кроме того Джинна был полон оптимизма насчет будущих отношений между индийцами и пакистанцами после раздела. Известно, что он просил Неру не передавать его дом на Малабарском холме в Бомбее в так называемую «эвакуируемую собственность», т.к. собирался жить в этом доме на склоне лет, после своего ухода на покой. Со слов Тахиры Мазхар Али, она встретила Джинну в Лахоре в 1944 г., где между ними произошел знаменательный разговор. Джинна спросил ее, в ту пору 20-летнюю девушку, почему она не поддерживает идею Пакистана. Тахира ответила, что план Джинны разделяет людей по религиозному признаку, что ей кажется порочным. Джинна рассмеялся в ответ: «Не волнуйся, мы будем свободно ездить в Индию, а индийцы будут так же свободно посещать нас». Как известно, история не подтвердила оптимизма Джинны относительно религиозной терпимости будущего пакистанского общества, как и его ожиданий касательно свободных индо-пакистанских контактов.

Истинный характер пакистанского национализма демонстрируют разные источники – от официальных документов до литературных произведений. В настоящем докладе в качестве такого источника рассматриваются пакистанские патриотические песни, по которым можно судить о том, какими достоинствами своей страны особенно гордились пакистанцы в разные периоды ее истории. В докладе анализируются тексты песен, как созданных сразу после образования Пакистана, так и получивших популярность в наши дни. Это первый проект национального гимна «Песнь Пакистана» (Тарана-е Пакистан, 1947) на слова Джаганнатха Азада; официальный гимн «Священная земля» (Пак сарзамин, 1952) на слова Хафиза Джаландхари; композиция «Пакистан в сердце» (Дил дил Пакистан, 1987, продюсер Шоайб Мансур). Последняя песня, по рейтингу Би-би-си, вошла в число ста самых популярных песен всех времен и народов.

Пакистана как «отечества» или «родины-матери». Они не испытывают сентиментальной привязанности к географическим образам страны, именуемой Пакистан. Они не готовы отдать свою жизнь исключительно за пакистанскую землю, ее деревья, пустыни, горы или реки. Такая форма патриотизма представляется им идолопоклонством. Однако при этом мусульмане охотно жертвуют собой за религиозно-культурные принципы, на которых основано государство Пакистан».

Сказанное означает, во-первых, что пакистанский национализм и патриотизм не базируются на территориальных образах или пространственных метафорах родины, как у большинства европейских народов. И, во-вторых, что только мусульманин может считаться истинным пакистанским патриотом, поскольку его патриотизм определяется «религиозно-культурными принципами» ислама. По этой же логике пакистанец, не исповедующий ислам, не может быть патриотом, а его привязанность к «земле, деревьям, пустыням, горам или рекам» родной страны не имеет никакой ценности в глазах общества.

Мухаммад Али Джинна в период своей борьбы за Пакистан также придерживался этой логики, но в августе 1947 г. он, казалось, изменил свое мнение в пользу представления о патриотизме как о чувстве, основанном на принадлежности к стране с ее конкретными городами, деревнями, улицами и ландшафтом. При этом он, совершенно в западном духе, заявлял, что религия – это область персональной веры, и, следовательно, принадлежность к той или иной религиозной конфессии никак не связана с определением гражданства или патриотизмом.

Джинна неоднократно демонстрировал свою религиозную толерантность. В частности, как генерал-губернатор Пакистана, он лично присутствовал на рождественской мессе в главном католическом соборе Карачи. Он резко осудил нападения мусульман на индусов в Карачи в начале 1948 г., что, правда, не остановило их исход в Индию. Наконец, Джинна назначил первым пакистанским министром юстиции и труда индуса Джогендранатха Мандала, а министром иностранных дел Зафарулла Хана, представителя секты Ахмадийя. Все эти и другие факты говорят о том, что Джинна

тоинство», направленной против сторонников радикальных исламистских партий, ассоциаций, объединений и подконтрольных им вооруженных отрядов и бригад. Поводом для применения столь радикальных мер со стороны армии, по словам инициаторов и сторонников операции в правительстве и временном парламенте, стал беспрецедентный с 2011 г. рост влияния исламистов в органах власти на местном и общегосударственном уровне. Их возрастающие амбиции, направленные на фундаментальную трансформацию общества по «салафитскому проекту», были представлены как угроза цивилизованному развитию Ливии в XXI в.

Целый комплекс мероприятий, инициированных и отстаиваемых сторонниками исламских радикалов во Всеобщем национальном конгрессе, по изменению образа жизни обычных ливийцев, структуры и политики государства, его внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии, был поддержан рядом небольших фракций и объединений во временном парламенте из тактических соображений, но вопреки своим стратегическим целям и идеалам. В итоге, по мнению военных во главе с Х. Хафтаром, это привело к утрате парламентариями самостоятельности и воли к выполнению своих обязательств перед народом. Ярчайшим примером тому стало нежелание исламистов идти на компромиссы с другими политическими силами в вопросе организации работы Конституционной Ассамблеи, целью которой являлось подготовка нового основного закона страны. Помимо того, радикальная политическая риторика отдельных авторитетов и не менее радикальные действия подконтрольных исламистам боевых отрядов и бывших революционных бригад стали причиной не только внутренних проблем, но и послужили дискредитации ливийской революции на международной арене.

Активизировав действия по политической изоляции и военной нейтрализации радикальных исламистов, новая военнополитическая элита ливийского государства, сформировавшаяся уже после свержения режима М. Каддафи и крушения политической системы Арабской Джамахирии, четко, ясно и открыто заявила о своем неприятии идеи любого сотрудничества с ними и намерении оказать реальное сопротивление исламистской экспан-

сии. Показательным стало то, что впервые с 2011 г. армейское командование, выражая приверженность идеалам светского общества и Ливии «без исламистов», выступило в качестве единой политической силы, преодолев множество внутренних расколов и противоречий.

Примечательным в этом отношении видится тот факт, что вопреки жесткости «антикаддафистской» риторики революционных властей в составе Переходного национального Совета (2011–2012) и Всеобщего национального конгресса (2012–2014), вопреки принятию закона о люстрации для деятелей свергнутого режима Джамахирии обозначилась преемственность в вопросе определения политической роли и функций армии для нового ливийского государства.

Уже с конца 1970-х гг. уверенность политического руководства Ливийской Арабской Республики в лояльности вооруженных сил была подорвана серией антиправительственных заговоров и попыток покушения на жизни первых лиц государства, спланированных и совершенных при участии действующих офицеров и солдат. Это привело к установлению органов политического контроля в армии, дифференциации силового блока за счет приумножения количества независимых друг от друга, но подчиненных напрямую М. Каддафи и его окружению военизированных структур и организаций. В итоге внутренний кризис привел к неутешительным результатам в вопросе определения способности армии выполнять свои основные функции по защите государства от внешних угроз. Проигранные войны с Египтом и Чадом привели к кризису легитимности армии и популярности армейской службы. Деградация вооруженных сил усилилась в 1990-х гг. на фоне международных санкций, оказавших влияние на социально-экономическую ситуацию в стране, и межплеменной конфронтации в правящей элите. Лишь вторжение Исламской боевой группы (ИБГ), радикальной джихадистской организации ливийских ветеранов афганской войны, и последовавшее «исламистское восстание» против режима М. Каддафи в 1995–1999 гг. изменили отношение к армии в обществе и в элите. На фоне Гражданской войны в Алжире и на базе памяти о египетском опыте, бывшем

тия национальной идентичности в связи с изменением положения этнических и конфессиональных меньшинств.

И. Н. Серенко (ИВ РАН)

Урдуизация пакистанской школы как составная часть национальной политики государства.

Исламская Республика Пакистан – полиэтническое федеративное государство в северо-западной части Южной Азии. Оно было создано в 1947 г. на конфессиональной основе. С момента его образования борьба за сохранение единства страны требовала разработки концепции пакистанской национальной идентичности, большая роль в которой отводилась государственному языку урду. В качестве составной части национальной политики государства выступала урдуизация пакистанской школы, которая была призвана формировать у пакистанских граждан чувство патриотизма и принадлежности к единой пакистанской нации. Однако сложившаяся в стране этнолингвистическая ситуация не позволяет государству в полной мере решить проблему межэтнических противоречий, что затрудняет процесс национальной интеграции и реализации на практике идеи общепакистанской идентичности, в том числе и через урдуизацию пакистанской системы образования.

А. А. Суворова (ИВ РАН)

Пакистанский национализм в патриотических песнях.

Считается, что модель пакистанского национализма восходит к идеям Мухаммада Икбала. Но Икбал умер до формирования Пакистана и не оставил конкретных высказываний по этому поводу. Возможно, его идеи развил его сын, Джавед Икбал, в своей книге «Идеология Пакистана» писавший: «У мусульман нет понятия

между последователями *тариката*, а также к его главе или заместителям (*халифам*).

Следует отметить, что не все суфийские течения в Исламе так «интернациональны» как *Накибандийя-Муджадидийя* шейха Ахмада Зульфикара. Существуют и *тарикаты* с «отклонениями», которые вызваны тем обстоятельством, что они не в ладу с нормами *Шариата*. Вместе с тем в целом «идеология» суфизма как исламской этики направлена против любой формы национализма.

В этом контексте представляется достойной внимания исследователей возможность использования положительного потенциала *Тасаввуфа* для преодоления межнациональных распрей и предрассудков среди мусульман постсоветского пространства и Ближнего и Среднего Востока, а также интеграции мусульман-мигрантов в российский и европейский социумы.

И. А. Свистунова (РИСИ)

Турецкая стратегия развития отношений с иракским Курдистаном и ее роль в процессе трансформации понятия национальной идентичности в Турции.

Активное развитие отношений Турции с иракским Курдистаном является одним из новых направлений турецкой внешнеполитической стратегии последних лет. Начавшись в виде сотрудничества в сфере экономики и безопасности, с 2009 г. эти отношения приобрели формат регулярного политического диалога.

Особенности современной внутриполитической ситуации в Турции и дестабилизация обстановки в регионе накладывают свой отпечаток на отношения Анкары и Эрбиля, создавая внутренние и внешние предпосылки углубления связей между двумя сторонами.

В свою очередь турецкая стратегия развития отношений с иракским Курдистаном служит фактором влияния на общественное мнение Турции, в которой идет процесс трансформации поня-

всегда привлекательным для ливийцев, в обществе и во власти вновь укрепилось мнение о том, что армия является эффективным институтом противодействия исламу, как идеологии и политическому движению. Наличие прямой угрозы выстраивания политической системы, альтернативной по отношению к модели национального государства и основывающейся на исламизации всех сторон общественных отношений, способствовала изменению представлений о функциональной роли армии.

Цель данного доклада заключается в том, чтобы рассмотреть динамику развития регулярной ливийской армии в качестве института сохранения национального государства в наименее изученный период с 1993 до 2014 гг., тем самым доказав применимость функционального подхода к анализу политических институтов в Ливии до и после событий 2011 г.

Так, в период с начала 1990-х до 1995 г. ливийская армия в условиях отсутствия непосредственной угрозы со стороны исламистов внутри страны стала объектом политических репрессий со стороны государства, как источник оппозиционных настроений и благоприятная среда для их созревания. Но уже с 1995 г. на фоне активизации конфликта с ИБГ произошла консолидация армии и режима на основе общности интересов и стремления не допустить изменения политической системы радикальными исламистами. После «февральской революции» 2011 г. армия Ливийской Джамахирии официально прекратила свое существование, а формирование новых национальных вооруженных сил под централизованным командованием осложнялось рядом факторов. В частности, стремлением значительной части революционной элиты (исламисты, бывшие мигранты, политические заключенные и т.д.) провести люстрацию органов власти, нежеланием ряда региональных элит усиления центральных властей, и т.д. Только неконтролируемое расширение влияния исламистских фракций сделало возможным взаимодействие широкого круга политических акторов как внутри страны, так и за ее пределами. Они смогли преодолеть существовавшие противоречия и способствовать формированию централизованной ливийской национальной армии, включающей в себя в т.ч. и бывших офицеров армии Джамахирии, как единст-

венного действенного инструмента противодействия исламизации страны. В этом отношении 2014 год во многом сравним с 1995 и от того может служить точкой отсчета важного исторического процесса – восстановления ливийской армии в качестве полноценного института сохранения светского национального государства в Ливии.

А. С. Матвеев (НГУ, Нижний Новгород)
Национально-религиозная идентичность в современном Иране и её влияние на внешнюю политику страны.

Несмотря на сложности связанные с этническим разнообразием Ирана, в стране идет успешное национальное строительство в рамках религиозно-национальной идеологии.

Руководство ИРИ не пытается провести «иранизацию» национальных меньшинств, снят всяческий запрет на применение национальных языков, вместе с тем, тенденции сепаратизма со стороны курдов, азербайджанцев, туркмен и других народов резко пресекаются. Проблема этнического национализма малых народов Ирана обусловлена наличием в стране разделенных народов (азербайджанцы, курды), желание которых воссоединиться естественно.

Этнические центробежные силы на окраинах Ирана часто политизируются и используются лидерами национальных объединений для получения преференций.

Персидский язык является скрепляющим инструментом для народов Ирана, рассматривается руководством страны, как язык, раскрывающий тайны ислама и обогащающий иранскую идентичность доисламской культурой.

Шиитская ветвь ислама больше открыта для реформации по сравнению с другими, шиитские богословы имеют свободу интерпретировать Коран в зависимости от сложившейся обстановки.

С фетвами по политическим вопросам выступают представители высшего шиитского духовенства. В результате иджтихада

ками. И все это несмотря на жесткое предписание, гласящее, что кровь и имущество мусульман являются запретным для друга, а нарушившим его уготован ад.

В этом контексте заслуживает внимания исследователей такая известная многовековая духовная исламская традиция как *Тасавуф*, или суфизм, которая очень широко была распространена ранее в упомянутом Центрально-Азиатском регионе. Ее положительный потенциал, на мой взгляд, является актуальным и востребованным в деле преодоления межнациональных противоречий мусульман.

В качестве примера можно привести влиятельный и распространенный по всему миру *тарикат Накибандия-Муджадидийя*, и в частности одно из его направлений (*турук*), возглавляемое пакистанским шейхом Ахмадом Зульфикаром. Отличительной особенностью данного течения является жесткое следование нормам шариата в соответствии с деобандийской исламской школой, что наряду с полной его аполитичностью и сосредоточенностью на пропаганде исключительно методов нравственного самосовершенствования верующего позволяет, при соответствующих условиях и обеспечении непосредственного дискуссионного контакта с представителями радикальных исламских течений, обращать последних в деполитизированных и абсолютно «неопасных» для любого общества суфиев.

Указанная особенность позволяет аналогично «сплотить» казалось бы непримиримые этносы под «эгидой» следования по пути *тариката (сулук)* суфийского братства. В этой связи можно привести конкретные многочисленные примеры, когда под началом заместителей (*халифов*) шейха Ахмада Зульфикара как в России так и за рубежом объединены общей ритуальной практикой братства и мирным бытовым общением упомянутые узбеки, таджики и киргизы, а также и другие конфликтующие между собой мусульманские народы по всему миру, что может вызвать и вызывает удивление «непосвященных».

Единению казалось бы непримиримых этносов способствует жесткая иерархическая структура суфийских братств и практикуемые правила поведения, т.н. *адабы* по отношению друг к другу

ло, в рамках военно-политической парадигмы, тогда как эффективным может оказаться подход с центральной религиозно-идеологической составляющей. Тесная координация СБ ООН с Организацией исламского сотрудничества (ОИС), четкая артикуляция ОИС своей позиции по халифатистским проектам (Афганистана, Ирака, затем – «Ирака и Шама», а теперь «Исламского государства»), конкретные предложения и их воплощение силами самих мусульман могли бы стать ответными мерами, которые лежат в той же системе координат, что и вызывающие их угрозы.

Второй возможностью может стать усиление ВС Ирака и Сирии и их эффективное использование в борьбе с экстремистами. Ускоренными темпами усиливать свои ВС – возможно единственный выход и для соседних государств, и Ливан, например, пытается идти по этому пути.

Россия делает попытки помогать в этом армиям Ирака и Сирии, но они встречают критику и недопонимание у западных партнеров, демонстрируя разобщенность в подходах к решению возникших проблем, что сводит наши усилия на нет.

И. Ф. Сафаргалеев (Институт стран СНГ)

Положительный потенциал Тасаввуфа и национализм в мусульманском мире (на примере суфийского тариката Накшбандийя-Муджадидийя Шейха Ахмада Зульфикара).

Исламское вероучение отвергает разделение правоверных по национальному признаку. Это ясно и однозначно предписано Священной Книгой мусульман – Кораном, а также Сунной – деяниями и высказываниями Пророка Мухаммеда (с.а.с.).

Однако несмотря на это мусульманский мир как раньше, так и в настоящее время потрясается от межнациональных конфликтов. К сожалению, не является исключением в этом смысле и постсоветское пространство. Так весьма напряжены отношения между узбеками и киргизами, которые периодически выливаются в кровавые стычки на юге Киргизии, а также между таджиками и узбе-

(اجتهاد) возникает аналитическая среда, которая, с одной стороны, оперативно реагирует на события международной жизни, а с другой – сохраняет шиитские основы выбранного курса. Право на иджтихад обычно получает аятолла. Высшей ступенькой в шиитской духовной иерархии считается статус марджа-э-таклид (تقليد مرجع), такие аятоллы уполномочены выносить фетвы (обязательные для исполнения установления) по различным вопросам духовно-нравственной, общественной и политической жизни.

Иранцы, как и любая другая нация, имеет ряд как положительных (конструктивных), так и неконструктивных психологических особенностей. Некоторые положительные черты иранцев: поиск справедливости, выбор мученического пути, борьба с деспотизмом и несправедливостью – выступают идеалистическими факторами внешней политики ИРИ. Стремление оказать помощь угнетенным народам, поддержка революционных освободительных движений – во многом на эти принципы внешней политики Ирана подверглись влиянию идеологических факторов. Принятие упомянутых факторов произошло в результате распространения ислама шиитского толка.

Отрицательные черты иранцев также влияют на внешнюю политику страны: пессимизм, недоверие, которые приводит к излишним крайностям: дуализм – к выбору несовместимых целей, абсолютизм – к ошибочному определению степени угрозы.

Идеология создает мышление, которое используется, чтобы интерпретировать факты, сообщения и международную среду. Многие процессы и государственные взаимоотношения рассматриваются в крайних формах борьбы добра со злом, а оппозиционная политика по отношению к Соединенным Штатам рассматривается как оппозиция «великому сатане».

Иранское общество по-прежнему проходит сложный путь трансформации от традиционного «теплого и закрытого» общества к современному «холодному и открытому». Одной из важных черт традиционного общества является низкий уровень участия населения в политической деятельности и безукоризненное повиновение государственной власти.

Исламская революция заложила основы гражданского общества, но основной путь трансформации лежит впереди. Политическая система Ирана с 1979 до 2009 г. не подвергалась каким-либо серьезным кризисам, и духовенству удавалось прочно закрепиться во власти и воплощать в жизнь свои политические инициативы. После прохождения ряда кризисов должен видоизмениться определенный блок ценностей в обществе, которые, в свою очередь, отразятся на международных делах ИРИ.

Н. М. Мамедова (ИВ РАН)

Особенности национальной социально-экономической модели Ирана.

Разнообразие национально-демографического, культурного и природно-географического ландшафта Ирана осложняет формирование социально-экономической модели в рамках многонационального государства и требует соответствующего идеологического обоснования. В шахский период таким обоснованием стала концепция паниранизма, в основе которой лежало обращение к общеиранской культуре и единой иранской нации, в которую включались все народы, кроме исповедующих христианство. В исламский период государственности таким культурно-идеологическим обоснованием единства страны стало обращение к исламу, так как абсолютное большинство иранского населения, включая разные национальности, – мусульмане, а население конфессиональных меньшинств не имеет сколько-нибудь больших обособленных территорий и фактически растворено среди остального населения страны. Фактор общеиранского культурного наследия использовался режимом, главным образом, для распространения влияния Ирана извне, но в последнее десятилетие и во внутренней политике. В определенной мере отражением этого стал призыв, т.е. фактически фетва рахбара страны Али Хаменеи от 20 марта 2014 г., о необходимости построения «экономики сопротивления» путем не только экономического, но и культурного

ние «национальных государств» – государственных образований в рамках границ, более или менее совпадающих с нынешними. Заблудшими и поэтому объектами религиозной войны были объявлены исламисты из ХАМАС и других палестинских вооруженных формирований, египетские исламисты, религиозные экстремисты в Сирии, которые пытаются так или иначе приспособить свои цели к существующим рамкам государственно-политического устройства региона. Курды, которые борются за создание своего государства, тоже оказываются врагами халифатистов. Подчеркну, что в данном случае речь идет только о суннитах. Впрочем, боевые организации несуннитские (прежде всего Хизбалла) – в числе их основных противников априори.

Изменившийся расклад сил должен был изменить и стратегию действий основных региональных игроков. Курс спонсоров сирийской оппозиции на смену правящего режима в Сирии мог бы отойти на второй план. Прежняя безусловная поддержка боевиков, среди которых оказались и ударные части «Джебхат ан-нусры», могла бы уступить место мерам по предотвращению продвижения ИГ к границам Турции, Иордании и Ливана. Тем не менее, страны коалиции планируют сделать акцент на усиление сил «сирийской оппозиции» для борьбы с ИГ в долгосрочной перспективе, игнорируя готовность Дамаска использовать регулярную армию, считая режим Асада нелегитимным. Проводятся регулярные консультации с реальными лидерами оппозиционных вооруженных формирований в Сирии, исключая большинство членов НКОРС, которая не рассматривается всерьез как представляющая оппозицию. Переговоры (формально – по линии общественных организаций) ведутся даже с «Джебхат ан-нусрой» – с целью совместного противодействия ИГ, что представляется нон-сенсом.

Основным опасением большинства стран остается экспорт идеологии халифатистов в среду собственного населения, использование соотечественниками-добровольцами, воевавшими на стороне ИГ (а также в Афганистане) боевого и террористического опыта для дестабилизации ситуации уже на родине. Но методы предотвращения такой зловещей перспективы видятся, как прави-

фактором иностранного вмешательства, ужесточением экономического давления на Иран со стороны США и Европы, а также попытками ослабить режим поддержкой сепаратистских настроений. Поэтому с уверенностью можно сказать, что этнический фактор будет и в дальнейшем влиять на стабильность социально-политической жизни ИРИ.

А. В. Сарабьев (ИБ РАН)

Халифатисты *versus* «национально-ориентированные» исламисты: к постановке проблемы.

Объявление о создании халифата на землях, захваченных ИГ, привело к формированию международной коалиции, которая планирует и наземную операцию на территориях Ирака и Сирии. Это означает принципиально новую повестку дня по сравнению с той, что стояла еще весной 2014 г. Очевидно, что возрожден халифатистский проект, который уже пытались реализовать в Афганистане талибы в 1996–2001 гг. Проект основан на общности людей одной веры, исключает любое иноверие и светский характер властных структур. Высшая цель такого теократического государства – благо народа, покорного Творцу и живущего по Его законам, при этом конституцией государства объявляется Коран, а законами – шариат. Как это было в идеологии Исламского эмирата Афганистан, расширение границ такого халифата заложено в его основе, а проповедь по всему миру и создание международной сети его сторонников – средство его усиления. Нынешние государственные границы декларативно не признаются, поскольку установлены не Аллахом, а светскими правителями, а борьба, направленная на смену светских режимов исламскими теократиями, предусмотрена в самой идее халифата. Закономерно, что солидарность и единство целей с ИГ выразили в сентябре 2014 г. афганские талибы.

Основной силой, с которой давно ведут ожесточенную борьбу боевики ИГ стали исламисты, которые ориентируются на созда-

джихада. Провозглашение священным долгом участие всего народа в экономическом развитии, культурологического джихада, направленного на противодействие влиянию Запада, в определенной мере является признанием необходимости изменения действующей модели развития не только в сторону повышения экономического потенциала страны в целом, но и изменения региональной политики, особенно в отношении этно-национальных территорий. В докладе рассматриваются региональные проблемы экономического развития, влияние демографической ситуации на социально-экономическую политику, государственные меры по выравниванию экономического потенциала национальных провинций, поднятию в них жизненного уровня населения.

С. Д. Махнев (Нижний Новгород)

Реакция нерегиональных игроков на первый этап «арабской весны» в Египте.

Многие аналитики полагают, что серьезные изменения, которые переживает сегодня глобальная международная система (ГМС), являются продолжением некоего долгосрочного переустройства мира, которое началось с крушением прежнего миропорядка еще в 1980-е гг. Распространяясь по модели «сверху вниз», этот процесс постепенно охватывает все новые регионы. Однако изменения, весьма вероятно, генерируются и «снизу вверх», оказывая влияние на всю ГМС, что проявляется в турбулентности, возникающей то в одном, то в другом регионе.

ГМС проходит период трансформации, одним из направлений которой, в частности, является перераспределение глобальной силы в пользу Азии, также очевидно расхождение, или дивергенция, иначе говоря, большая разнородность, которая, собственно, и делает мир полицентричным. Характерной чертой эволюции глобальной международной системы образца 2011 г. служит и неопределенность. А одним из главных агентов изменений, происходящих сегодня на региональном и глобальном уровнях, выступает

«арабская весна», которая смела одни казавшиеся стабильными ближневосточные режимы и раскачала другие.

Все эти массовые протестные движения нового типа вызваны не в последнюю очередь социальными, точнее, социально-экономическими причинами. Есть причины и политические: отсутствие представительства, архаичность системы управления, ее приспособленность под интересы все тех же элит, монополизировавших доступ к власти и ресурсам, жесткий авторитаризм, лишающий людей возможности отстаивать свои интересы легальным путем.

Новые движения носили сетевой характер, не имели четкой организационной структуры, единого руководства, программы и плана действий. Немаловажную роль в развитии этих процессов играла также реакция мировых держав на происходящие события в странах Ближнего Востока.

Отбрасывая различные конспирологические теории, я опираюсь на теорию о том, что данный процесс начался под влиянием не только внутренних, но и внешних причин, таких как прямая и непрякая поддержка деструктивных элементов иностранными агентами влияния.

Оставляя за скобками внутренние причины, послужившие основой для бунта в Египте, необходимо рассмотреть реакцию сторонних игроков на происходящие события. Так как размах событий был для всех неожиданностью, и никто не был готов напрямую включиться в процесс формирования общей политики, то в отличие от, например, Ливии, можно говорить только о реакции, а не о попытках манипулировать настроениями египетских масс.

Прежде всего, стоит отметить позицию Генерального Секретаря ООН Пан Ги Муна, как руководителя это важнейшей международной организации. “Я только что узнал о решении президента Мубарака покинуть свой пост, я продолжаю внимательно следить за развитием событий в Египте. В этот исторический момент я хотел бы снова призвать к прозрачной, упорядоченной и мирной передаче власти” – заявил Пан Ги Мун в Нью-Йорке.

Президент США Барак Обама, а именно США в последние годы являются основным стратегическим партнером Египта, ком-

кратизацию революционного процесса на территории компактного проживания белуджей.

Что же касается иранских туркмен, которые проживают на северо-востоке Ирана, и насчитывают население, численностью 1,5 млн. человек, то их национальное движение тесно связано с обострением аграрного вопроса после падения шахского режима. Туркмены требовали не только возврата им земель из шахского фонда, но и возврата земельной собственности тех переселенцев-нетуркмен, которые переселились в туркменские области Ирана в период 1950-х гг. во время подъема товарного производства в сельском хозяйстве страны. Все это способствовало обострению национальных чувств иранских туркмен, видевших в персах исключительно чужаков и угнетателей. В этом заключается одно из проявлений туркменской обособленности, обособленности туркменского социума Ирана.

Необходимо отметить, что аграрный вопрос на территории компактного проживания туркмен не решен до сих пор, причем главными до сих пор являются противоречия между туркменами и пришлыми мелкими собственниками, мигрировавшими на эту территорию в середине прошлого столетия. Обстановку в Иранской Туркмении осложняет борьба политических и религиозных группировок, основанных на племенных и субэтнических различиях и нередко имеющих свои собственные революционные комитеты и вооруженные отряды, которые, зачастую получают поддержку из-за рубежа.

Аналитики отмечают, что в последнее время ситуация в различных регионах ИРИ, населённых этническими меньшинствами начала нормализоваться, в силу того, что власти ИРИ стали отходить от решительного курса силового подавления национальных конфликтов в сторону либерализации общественной деятельности неперсидских этносов. Тем не менее, основное требование этнических элит Ирана – предоставление автономных прав остается неудовлетворенным, что создает ситуацию, чреватую актуализацией существующих межэтнических противоречий, что может быть использовано для дестабилизации существующего в этой стране режима. В последнее время ситуация осложняется еще и

12 июня 2005 г. перед президентскими выборами в Хузестане произошла серия терактов, ответственность за которые взяла на себя организация арабских сепаратистов. С деятельностью сепаратистов связан и взрыв нефтяных скважин в сентябре 2005 г. Практически все вооруженные столкновения в данной провинции подготовлены одной из трех сепаратистских группировок – партией Аль Садех, Фронтом освобождения Арабистана или Организацией освобождения Аль Ахваза – представители которых считают, что арабы воспринимаются руководством ИРИ как люди второго сорта.

Арабский язык узаконен не только в Хузестане, но и на всей территории страны, где он преподается как язык государственной религии. Разрешены публикации на арабском языке, на нем ведутся теле- и радиопередачи. В последние годы арабы стали шире привлекаться на государственную службу и в армию.

Другим этническим меньшинством, движение которого оказывает значительное воздействие на политический климат в ИРИ, являются белуджи. Их население составляет около 4 млн. чел. и сосредоточено в Систане и Белуджистане. В отличие от вышеперечисленных этносов эта этническая группа является суннитами. Что усиливает конфликт с центральным иранским правительством на религиозной почве. Их национальное движение развивается под сильным влиянием из-за рубежа, в частности из Пакистана, руководство которого поощряет их автономистские настроения, подрывающие позиции Ирана в качестве регионального лидера.

Главные требования, на которых сходятся все политические группировки белуджей, включают:

- предоставление региональной автономии в рамках Ирана;
- назначение белуджей на административные посты в провинции;
- развитие образования на базе белуджского языка.

В настоящее время наибольшим влиянием в их среде пользуется партия «Союз мусульман», руководство которой устанавливает контакты с другими недовольными этническими меньшинствами, в частности, туркменами. Среди левых организаций популярностью пользуется партия федаианов, выступающая за демо-

ментируя обращение главы Египта Хосни Мубарака (которое было показано по государственному телевидению 1 февраля 2012 г.), заявил, что Мубараку стоит незамедлительно оставить пост. Кроме того, было озвучено, что Египту необходимы срочные качественные политические реформы, в том числе немедленная отставка действующего главы государства Хосни Мубарака. Тем самым был дан однозначный сигнал египетским элитам о «сдаче» американцами своего давнего союзника.

Европейские страны также приветствовали смену руководства Египта, однако в своих заявлениях высокопоставленные чиновники предпочитали сохранять осторожность. «Те, кто берёт на себя обеспечение порядка в переходный период, должны знать, что мы будем внимательно следить за соблюдением интересов египетского народа. Евросоюз готов предложить свою помощь и поддержку. У ЕС большой исторический опыт и знания в том, что касается построения демократии, и мы готовы поделиться ими с народом Египта» – заявила Верховный посланник ЕС по внешней политике Кэтрин Эштон.

Российскую реакцию на отставку египетского президента озвучил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров: «Российская Федерация рассчитывает, что власти Египта могут обеспечить нормальное функционирование государственных органов, а также что оппозиционные силы проявят готовность к стабилизации ситуации». Как заявил министр журналистам, последние новости из Египта, где президент Мубарак в пятницу вечером ушел в отставку, позволяют рассчитывать на такой результат. «Мы воспринимаем последние новости из Египта как результат того процесса, который ведется внутри страны между основными политическими силами», – сказал глава МИД РФ. По его словам, это свидетельствует о том, что «действующие власти подходят к проблемам ответственно и стремятся способствовать достижению внутринационального согласия».

Не остается в стороне от событий и Турецкая Республика, которая является претендентом на региональное лидерство. 11 февраля 2011 г., в тот день, когда президент Мубарак передал власть Высшему совету Вооруженных сил Египта, турецкое правитель-

ство выступило с официальным заявлением, обозначившим позицию Турции в отношении «египетской революции». В заявлении говорилось о том, что с самого начала массовых выступлений Турция поддерживала законные требования египетского народа о демократии и свободе и высказывалась за установление в Египте порядка, основанного на плюрализме и уважении прав человека. Выражалась надежда на то, что Высший совет Вооруженных сил в кратчайшие сроки передаст власть новому руководству, избранному в результате справедливых и свободных выборов, и в Египте будет установлена конституционная демократия, определенная волей народа.

Делая выводы о реакции иностранных государств в отношении египетской революции, стоит отметить тот факт, что с момента начала протестов и до ухода Хосни Мубарака, мировое сообщество, в отличие от аналогичных выступлений, не придерживалось какой-то единой позиции и лишь призывало к прекращению насилия и началу мирного диалога, однако, в отличие от Ливии, Йемена или Бахрейна не предпринимало никаких активных шагов как в сторону поддержки действующей власти, так и в сторону поддержки оппозиции, не смотря на то что СМИ по-разному интерпретировали происходящие события, что, несомненно, влияло на общественное мнение.

В. Н. Москаленко (ИВ РАН)

Ислам и государственный национализм в Пакистане.

Созданный в августе 1947 г. на развалинах Британской Индии Пакистан сразу же столкнулся с массой трудностей, проблем и противоречий, которые определялись сохранением пережитков колониального и доколониального прошлого, особенностями образования самого государства, сложностями межгосударственного характера.

Пакистану достались самые отсталые в экономическом и культурном отношении территории бывшей колонии. В стране

джанцы были уподоблены тараканам. И хотя власти извинились перед азербайджанской общиной, волнения пришлось останавливать с помощью военной силы, что повлекло за собой убийства и аресты среди представителей этой этнической группы. В Южном Азербайджане действует целый ряд нелегальных сепаратистских группировок, крупнейшая среди которых — Движение национального пробуждения Южного Азербайджана (ДНПЮА), основанная азербайджанским пан-тюркистом Махмудали Чехраганлы в 1995 г.

Частично проблема притеснения иранских азербайджанцев была решена открытием национальных школ с преподаванием на азербайджанском языке при президенте М. Ахмадинежаде. Также выпускается масса журналов книг на азербайджанском языке.

Другим крупным этническим меньшинством этой страны являются арабы. Они проживают в юго-западной провинции Хузестана. По данным международного института стратегических исследований численность иранских арабов составляет более 2 млн. человек. Как и персы, арабы в большинстве своем исповедуют ислам шиитского толка.

Район проживания арабов занимает важное стратегическое положение, обеспечивая доступ к Персидскому заливу и прикрывая границу с Ираком и Кувейтом. Кроме того, Хузестан обладает серьезными нефтяными и газовыми запасами. Однако, арабские лидеры недовольны тем, что Хузестан практически не получает прибыли от добываемой нефти, а сам процесс ее добычи осуществляется с помощью устаревшего оборудования и загрязняет окружающую среду.

Поводом для недовольства является также активная миграция в провинцию персоязычного населения, поддерживаемая руководством ИРИ, увеличение количества организаций и учреждений государственного значения. Столица области г. Ахваз достаточно часто становится ареной столкновений между арабскими активистами и полицией. В апреле 2005 г. беспорядки привели к жертвам и многочисленным арестам. Эти события выявили глубокие этнические противоречия, существующие в стране.

И. В. Рыжов, М. Ю. Бородин (НГУ, Нижний Новгород)
Этнические проблемы в современном Иране.

Исламская Республика Иран, являющаяся одним из региональных лидеров Ближнего и Среднего Востока, относится к странам «имперского» типа со сложной этнической структурой. Именно поэтому этнические проблемы представляются крайне важными для современного Ирана. А наличие многочисленных этнических меньшинств, которые все более активно стремятся к автономии и сегрегации лишь осложняют ситуацию.

Крупнейшим национальным меньшинством Ирана являются азербайджанские турки. Численность этого меньшинства по разным оценкам достигает 28 млн. человек, что составляет почти треть от всего населения Ирана. Иранские азербайджанцы в основном сосредоточены в 4 провинциях Западный и Восточный Азербайджан, Зенджан и Ардебиль, а также проживают в провинциях Казвин, Меркези и Хамадан. Иранские азербайджанцы в большинстве своем исповедуют ислам шиитского толка, а именно иснаашаритское его направление. Однако, также есть представители суфийского ордена накшбандийа, бахаи и мусульмани-сунниты.

Эта этническая группа обладает ярко выраженным чувством национальной идентичности, а также стремлением к сепаратизму, что выливается в постоянное противостояние этой этнической группы с властями ИРИ. Все эти сепаратистские тенденции иранских азербайджанцев негласно поддерживаются Азербайджаном и Турцией. Основной темой политической активности азербайджанцев в настоящий момент является протест против проводимой властями ИРИ политики дискриминации этой этнической группы, а также право на использование азербайджанского языка в Иране. В 2003 г. по северо-западу Ирана прокатилась волна массовых демонстраций азербайджанцев. С этого момента позиция иранских властей в отношении националистических организаций стала еще более жесткой. В 2006 г. в азербайджанонаселенных городах Ирана прошли акции протеста, поводом к которым стали карикатуры, напечатанные в государственной газете, где азербай-

практически отсутствовали промышленность, современные города, низкой была производительность труда. В тяжелом состоянии находилась система здравоохранения, огромная часть населения была неграмотной. Крайне тяжелым было положение жителей нового государства. Совершенно не развита была структура государственного управления. У Пакистана сразу же возникли острые противоречия с соседними странами – Индией и Афганистаном; в течение долгого времени он был зажат между двумя недружественными государствами.

Таким образом, стартовая площадка не была подготовленной для успешной эволюции нового государства, его прогресса, модернизации всех сфер деятельности общества. Напротив, отмеченные выше и многие другие проблемы создавали неисчислимые трудности для поступательного движения страны, они породили главную, на мой взгляд, проблему ее внутренней жизни – постоянную нестабильность, (что вызвало к жизни многие другие характерные для Пакистана феномены, прежде всего исключительно важную политическую роль армии). Во внешней сфере страна оказалась зависимой от экономической, политической, военной и иных форм иностранной помощи. Постоянная зависимость от внешних источников затрудняла самостоятельный курс Пакистана, превращала его в вечного должника.

Вся эта обстановка оказывала существенное влияние на идеологическую жизнь в стране, усиливая острую борьбу противостоящих группировок.

Создание Пакистана было завершением довольно длительной борьбы мусульман субконтинента за создание своего государства. Подчеркнем, что цели ее лежали не только в религиозной сфере, но и преследовали интересы экономического, социального, правового и т.д. характера. Результатом борьбы явилось уникальное государственное образование, созданное по принципу культурно-религиозной общности. Удивительным было и его существование в виде «двух крыльев», разделенных полутора тысячами километров чужого, недружественного государства (в таком виде Пакистан просуществовал почти четверть века).

В условиях поликонфессионального и многонационального состава населения Индии движения за создание «государства мусульман» носило сепаратистский характер. Однако в этом движении сильной была антиколониальная составляющая общей борьбы народов Индии за независимость.

Руководители «пакистанского движения», прежде всего, конечно, его лидер М.А. Джинна, опытные политические деятели, пережившие бурные схватки и столкновения, борьбу различных взглядов и точек зрения, в конечном итоге представляли решительных сторонников создания самостоятельного государства Пакистан, где будет обеспечена свобода и безопасность мусульман, будут соблюдаться их законные права, впрочем, также, как и представителей других конфессиональных и этнических групп. Джинна и его сторонники как бы боролись на два фронта: против «угрозы индусского большинства» и британского владычества, при котором создание государства мусульман невозможно.

«Отцы» Пакистана не стремились к созданию теократического государства. М.А. Джинна и его сподвижники настойчиво проповедовали необходимость того, чтобы Пакистан был подлинно независимым демократическим, прогрессивным государством; чтобы власть действовала по воле всего населения, независимо от кастовой принадлежности, религии и цвета кожи; чтобы всем гражданам были предоставлены и обеспечены равные права.

Неприемлемость теократического правления в Пакистане и стремление к либерально-демократическому характеру государства определялись тем временем, когда успешно развивалось национально-освободительное движение и рушилась колониальная система. Дух антиколониализма и после создания Пакистана продолжал оказывать большое влияние на его жителей. В самом мусульманском обществе преобладали умеренные настроения и оно не отторгало тогда таких руководителей. Современники М.А. Джинны отмечали, что в быту его поведение было далеко от исламских норм. Сам он, как и некоторые его соратники, был шиитом. Министром иностранных дел в первом пакистанском правительстве, которое возглавил М.А. Джинна, был назначен член секты ахмадия, которая в 1974 г. была объявлена немусуль-

(10,4%), Туркмении (8%) и России (5,3%). При этом большинство оралманов размещалось в северных регионах»¹. Вместе с оттоком русских из Казахстана и их низкой рождаемостью (по сравнению с демографическим подъемом казахского народа, в особенности сельских южных провинций) эти меры несколько сгладили этнический дисбаланс в Казахстане. Доля русских в Казахстане, согласно официальной статистике, снизилась с 6 мил. 227 тыс. (37,8%) в 1989 году, до 3 мил. 685 тыс. в 2014 (21,5%). Проводимая же властями политика репатриации казахов способствовала росту конфликтности ввиду сложности адаптации переселенцев.

Л. М. Раванди-Фадаи (ИВ РАН)

Понятие «нация» и «национализм» в работах иранских ученых.

В жизни любой страны важным фактором является этнический национализм, который следует учитывать с точки зрения укрепления внутренней стабильности, особенно в Иране, находящемся на перекрестке цивилизаций и этносов. Деятельность этнических националистов в западных и юго-восточных районах Ирана, в которых экономическая и религиозная ситуация заметно отличается от центральных останов (провинций) Ирана, и возможность провокаций, инспирированных внешними силами в этих районах, может быть значительна. Ситуация осложняется наличием «разделенных народов» («ирредентизм») и естественным желанием этносов соседних стран объединиться в единое целое.

В докладе большое внимание уделено понятиям «нация» и «национализм» в работах иранских ученых.

¹ Казахи переедут на север?

http://www.stoletie.ru/zarubejie/kazahi_perejedut_na_sever_629.htm

ность в Казахстане, северные и северо-восточные территории которого так же населены людьми, идентифицирующими себя с русской культурой и историей. Последующее восстание на Донбассе только усилило опасение казахстанской элиты относительно потенциальных проблем на севере страны. Результатом этого стала активизация Астаны в области миграционной политики, целью которой является увеличение численности казахов в северных территориях Казахстана. В прессе появились сообщения о 300 тысячах казахов, которых Астана планирует переселить в северные провинции. Вполне вероятно, что слухи преувеличены. Тем не менее, Казахстан ведет активную политику в этом направлении.

Следует напомнить, что казахстанское руководство всегда обращало пристальное внимание на этнический дисбаланс и пыталось различными мерами нивелировать отличия между преимущественно казахским югом и преимущественно русским севером посредством «казахизации» последнего. Для «казахизации» северных территорий предпринимался комплекс мер. Так, в 1997 г. по ряду причин была перенесена столица из южного города Алма-Ата на север в Акмолу (бывший Целиноград, сейчас Астана), что способствовало росту численности населения за счет притока преимущественно казахов со всей страны. В итоге, по сообщениям некоторых источников численность русского населения в городе сократилась с 54 % в 1989 году до 17 % в 2012 (по некоторым данным до 14 %). В том же 1997 г. была проведена административно-территориальная реформа, цель которой состояла в том, что бы «разбавить» преимущественно русские области севера Казахстана посредством присоединения к ним территорий, населенных казахами. В результате русские перестали доминировать в какой-либо области Казахстана (за исключением Северо-казахстанской области). Помимо административных механизмов казахстанское правительство принимало программы переселения казахов из зарубежья. Переселенцам (оралманам) предоставлялись льготы. Согласно прессе, «с 1991 по 2011 г. на территорию Казахстана вернулись 221,3 тысячи казахских семей общей численностью около 860 тысяч человек. Большинство из них прибыли из Узбекистана (60,5%), Китая (12%), Монголии

манским меньшинством. Вряд ли в нынешней обстановке, такой политический деятель стал бы руководителем мусульманской общины в Пакистане

Следует отметить, что в поддержку теократического правления не выступала сколько-нибудь значительная часть населения страны (о чем свидетельствуют итоги всеобщих выборов, на которых фундаменталисты, как правило, получали небольшой процент голосов). Можно предположить, что в стране было осознано, что теократия (муллократия) не соответствует настоящему Пакистана. К тому же установление этой формы правления означало бы отстранение от «кормила» власти политической, административной, судебной и военной элит, что вызвало бы с их стороны активное сопротивление.

Выступая против фундаменталистских вариантов государственного управления Пакистана, его создатели и руководители не допускали его секуляризации государства, придания ему светского характера. Об этом неоднократно напоминали государственный деятель, немало сделавшие для преодоления экстремизма и терроризма в стране. Например, бывший президент П.Мушарраф, резко осуждавший экстремизм и выступавший за его ликвидацию, подчеркивал при этом, что «никогда не говорил о превращении Пакистана в светское государство... Сущность Пакистана, как понимал ее основатель государства М.А. Джинна, – это исламское, демократическое, умеренное, прогрессивное государство, построенное на принципах равенства и мирного сосуществования с другими странами».

В Пакистане сразу же началась острая борьба за преобладающие позиции в идеологической сфере между государственным национализмом, отражающим общенациональные интересы нового государства, и исламским интегризмом, отрицающим всякие государственные и национальные границы и выступающим за единство всей мусульманской общины (уммы).

В начале на первые роли вышел государственный национализм, что было вполне понятно для периода национальной эйфории, вызванной победой в национально-освободительной борьбе, достижением ее главной цели – создания «своего» государства.

С его существованием были связаны самые радужные надежды людей на улучшение их жизненных условий, материального благосостояния, торжества справедливости, равенства всех перед законом, в общем – на лучшее будущее. Укреплению идеологии государственного национализма содействовали благоприятная международная обстановка этого времени, национально-демократические движения и деятельность левых сил в Пакистане.

Однако такое положение длилось не очень долго. Где-то на рубеже 50–60-х гг. перевес стал склоняться на сторону исламской идеологии. Первая Конституция Пакистана, вступившая в действие в марте 1956 г. сделала официальным название государства «Исламская Республика Пакистан». Третья Конституция (август 1973 г.) объявила ислам государственной религией. Прежде всего, это определялось мощью и длительностью существования исламского фундаментализма, проникшего во все поры пакистанского общества. В самом Пакистане проходили процессы, содействующие росту и укреплению влияния ислама. В частности, прошла смена поколений людей, занятых в различных сферах государства и более терпимо относившихся к религиозным проблемам. На их место пришли те, кто жил и учился в Пакистане и находился под сильным влиянием идей исламизма. Настоящей трагедией для Пакистана стал ранний уход из жизни его отца-основателя М.А. Джинны (12 сентября 1948 г.), некоторых других его сподвижников. К рассматриваемому отрезку времени серьезно были ослаблены национально-демократические и левые силы в стране. Укрепление ислама явилось реакцией традиционного общества на попытки его модернизации правительством З.А. Бхутто (1971–1977). Менее благоприятной стала международная обстановка. В мире набирал силу процесс возрождения и укрепления религиозного мировоззрения (т.н. «ренессанс Бога»), активно это происходило в мусульманской общине, особенно на Ближнем Востоке. Между тем, именно с богатыми странами этого региона Пакистан развивал широкое сотрудничество в стремлении восполнить потерю в 1971 г. своей восточной провинции, игравшей важную роль сырьевого придатка, потребителя готовой продукции и источника валютных поступлений. Широкие связи с арабскими странами

движения и особенно пример национально-ориентированной государственной-политической деятельности М.К. Ататюрка во главе Турецкой Республики. Ликвидация «своей империи» в противостоянии западному колониализму и явная невозможность воссоздания Халифата в XX в. породили в той или иной форме представление о свободе арабов как самоопределении различных национальных общностей. Это обстоятельство способствовало становлению идеи отдельных национальных государств в арабском мире.

При рассмотрении концепций арабского национального самоотождествления перед исследователем неминуемо возникает более или менее узкий набор ценностных компонентов национальной идеи, которые, по мнению большинства арабских политиков, были значимы как критерии самоопределения арабской нации (арабских наций). Это, главным образом, расовое единство, природно-хозяйственная общность среды обитания, лингвистическая близость арабских диалектов, общее культурное наследие. Не менее существенна специфика многообразных форм арабского национализма – этнического, странового, панарабского и сложившихся в их пределах понятий о самоотождествлении арабов. В докладе отдельно приводится набор воззрений арабских националистов на исламское вероучение как на «агента интеграции» арабского мира в прошлом и на протяжении XX в. и палитра оценок ими исторической и культурной эффективности ислама в этом качестве. Представлены оценки соотношения исламского и христианского начал в складывании концепций арабского национального самоотождествления, а также различные подходы арабских идеологов и социальных мыслителей к соотношению религиозного и национального в самоотождествлении арабов.

Д. С. Плотников (Пермь) **«Русский вопрос» в Казахстане и «мягкая сила» России.**

Воссоединение Крыма и России, произошедшее при поддержке русского населения полуострова, вызвало обеспокоен-

В. В. Орлов (ИСАА МГУ)

Арабское национальное самоотождествление истоки и границы понятий.

В докладе показана историческая и культурная динамика ключевых понятий арабского национального самосознания: *'араби* («араб», но также «кочевник», «степняк») *'уруба* («арабство», «арабский дух», «принадлежность к арабам»), *умма* («община», впоследствии «нация»), *'асабийя* («дух кровнородственного сплочения»), *ватан* («племенная территория», «отечество как территориальное единство»), *кутр* («страна как территориальная единица общей арабской родины») *аслийа* («идентичность», «самобытность») и их использования арабскими идеологами и политическими деятелями XIX–XX вв. Каждый из этих терминов претерпевал с течением столетий глубокие изменения в общественном понимании, и представления о национальном сплочении арабов, сложившиеся в конце XIX – начале XX в., являются собой продукт длительного развития интеллектуальной традиции. Существенное влияние на содержание понятий и категорий арабского национализма оказала колониальная эпоха. «Следы» ее в складывании понятия арабского национального самоотождествления противоречивы. С одной стороны, кризис взаимоотношений колониальных элит и националистов приводил почти везде в арабском мире к усилению антииностранного и исламского джихадистского акцентов в национально-освободительном движении. С другой стороны, знакомство с материальным благополучием и научно-техническими достижениями Запада проецировалось в умах арабских национальных лидеров европейские представления о национализме. Последнее нередко заставляло их намеренно отказываться от осознания религии как действенного фактора создания нации и обращаться к ее пониманию не столько как религиозного объединения людей, сколько как политической и гражданской общности. Значительный вклад в пересмотр арабскими националистами целей и задач арабского самоотождествления внесли крушение османского историко-культурного пространства в ходе первой мировой войны, неудача халифатистского

превратились в важный канал исламской экспансии в Пакистан из-за рубежа.

Серьезно укрепила позиции ислама политика, проводимая в период президентства генерала М. Зия-уль-Хака. Суть ее состояла в насаждении «сверху» исламских норм и порядков в основных сферах деятельности пакистанского общества (политике, экономике, юридической сфере, образовании, культуре, военном деле и т.д.). Проводимая властями политика исламизации сопровождалась преследованием и подавлением левых, левоцентристских и национально-демократических сил.

После этого вопрос о преобладании идеологических систем был решен. Собственно говоря, судьба государственного национализма была определена, когда стало ясно, что с появлением своего государства положение его населения не изменилось к лучшему. Надежды его граждан рухнули, а вместе с этим исчезла и привлекательность для масс концепции государственного национализма, ослабили его мобилизующие способности. В этих условиях соперник выдвинул другую, исламистскую доктрину, обещавшую в случае создания подлинно исламского государства всеобщее благоденствие, равенство и социальную справедливость. Эти обещания, особенно их эгалитаристский характер и привлекли на сторону исламизма массы обездоленных, разувевшихся в идеях национализма, мало что получивших от своего государства, людей. Правящие круги были привлечены содержащимися в исламе требованиями строгой дисциплины и беспрекословным подчинением старшим.

Рост и укрепление ислама повели к его радикализации, развитию экстремизма. Логика развития исламизма вела к использованию крайних мер для достижения поставленных целей – созданию «подлинного исламского государства», искоренению всех его противников. Немало этому процессу содействовали события в соседних странах: «исламская революция в Иране», джихад в Афганистане, острая борьба в Кашмире под знаменами исламизма и др. В самом Пакистане появились различные экстремистские, террористические, военизированные партии и организации (в т.ч.

«Пакистанское движение Талибан»), тесно связанные с боевиками в Афганистане, Кашмире и других регионах.

В реальности, сейчас в Пакистане стоит вопрос не о приоритете ислама или национализма, а о политическом преобладании в государстве умеренного исламизма или его радикалистского варианта. Думается, что во многом решение этого вопроса будет зависеть больше от внешних сил и обстоятельств. Во всяком случае, сейчас, как это было и раньше, приоритет принадлежит умеренным силам в исламе (в известной мере этот вывод подтверждается итогами всеобщих выборов в 2013 г.).

**Г. К. Муканова, Ш. С. Нужанова (КНУ, Алматы, Казахстан)
Турция – Центральная Азия – Казахстан: стратегия и идентичность в международных отношениях (контент СМИ).**

Идея заключается в критическом дискурс-анализе публикаций в масс-медиа региона Центральная Азия, выявлении приоритетных внешнеполитических направлений, контент-анализе трендов региональной журналистики, в контексте институциональных основ национально-государственного строительства, повышения интеллектуального потенциала СМИ и степени национальной безопасности Республики Казахстан, в мониторинге имиджевых публикаций в региональных СМИ ближнего и дальнего зарубежья, динамики межгосударственных контактов.

Актуальность исследовательского проекта заключается в прогнозировании трендов региональной журналистики и эволюции продвижения приоритетов внешней политики Турции в Центральной Азии и Казахстане. Региональные СМИ являются одним из важнейших социальных институтов, обслуживающих информационные потребности государства и народа Казахстана. От их умений отбирать и размещать информации, налаживать контакты и оповещать аудиторию, не в меньшей степени зависит успех многих внешнеполитических и общекультурных преобразований. В условиях глобализации, роль информационных связей на региональном уровне существенно возрастает.

Успешное функционирование региональных СМИ зависит от множества факторов, в числе которых: внешние связи, надежные источники, достоверность, бюджетирование, эффективность редакционной политики, учет национальных особенностей, использование новых IT-технологий и правильная государственная стратегия. Ситуация технической и технологической модернизации региональных СМИ, диктуемых требованиями информационного общества, дает основания надеяться на повышение профессионализма региональной журналистики. Имеющиеся совместные казахско-турецкие периодические издания испытывают известные трудности в научно-методическом обосновании публикаций об острых социальных проблемах, в организации подписки и т.д.

Глобализация и внешнеполитические приоритеты, в разрезе реалий современности, диктуют необходимость отслеживания и научного мониторинга кардинальных изменений в обществе: как политических, экономических, культурных, так и стратегических. Как показывает мировой опыт, отказ от самобытности и национальной идентичности, истории и традиций чреват невосполними потерями. Как сохранить общие ценности, но при этом не примкнуть к крайностям разного рода, а приобщиться к сокровищницам мировой культуры? Как стать равноправным членом в полусотне развитых государств, и при этом не потерять потенциальных политических партнеров? В этих условиях, значима роль региональных СМИ, обладающих своей устоявшейся аудиторией и регулярно оповещающих ее об имиджевых трендах. Безусловно, от умения региональных журналистов, зависит успешность продвижения имиджевых материалов как о Центральной Азии и Казахстане, так и о внешних партнерах. Общeturкские корни истории и культуры, турецкого и казахского народов, несомненно, дают основания успешно выстраивать структуру и жанровое разнообразие имиджевых публикаций, заведомо комплиментарного характера.